

Герольд
Бельгер

ФРАГМЕНТЫ

Уже, пожалуй, лет десять я пишу вольные заметы под названием «Плетение чепухи» – о том, о сем, обо всем, что приходит в голову. Эти неприятательные строки регулярно печатаются в журналах «Евразия», «Нива», «Тобол», в газетах, а также частично опубликованы в моих книгах «Плетение чепухи» (2006) и «Казахское слово» (2009). Накопилось таких заметок на двадцать тетрадей – более тысячи страниц. Из неопубликованного я вычленил кое-что специально для журнала «Простор», назвав эти выдержки просто – «Фрагменты». Вдруг они заинтересуют читателя...

октябрь, 2014 г.

* * *

Прогноз на ближайшие десять лет такой (см. «Известия» от 26.09.08): специалисты-языковеды, футурологи в результате опросов, прикидок и явных общественных потребностей пришли к единодушному выводу, что учить надо английский, испанский, китайский, арабский языки. На английском – логическом, точном, мобильном – общается весь мир; испанский развивается особенно динамично; на арабском говорят тридцать стран, а лет через 50 самым востребованным станет китайский язык.

В этом мы убедимся и без прогнозистов – эти языки – гиганты, глыбы.

Увы, те языки, в которых вращаюсь я, – русский, казахский, немецкий – такой потенцией и перспективой не обладают... Печально. Но против суровой реальности, против очевидных фактов не поперешь.

Среди тех трех языков, которые мне наиболее близки, самое печальное положение, пожалуй, у казахского языка из-за его меньшей распространенности. Совершенно бесспорно, что международным языком ему не стать (при всем его мощи и богатстве, образности и выразительности), и сфера его функционирования будет с годами неизменно сужаться. А коли так, он будет медленно обескровливаться.

Досадно. Жалко до слез.

Ну и как быть? Смириться и сложить крылья?

Ни в коем случае!

За века казахи фантастически обогатили, отшлифовали свой язык. Он ярко отражает, выражает душу народа. У него крепкая, жизнестойкая корневая си-

стема. Грядущие поколения не вправе редчайший дар нации пустить на ветер. Миллионы носителей казахского языка обязаны сплотиться, ощетиниться и насмерть стоять за сохранение и сбережение своего духовного достояния. Надо поставить языковую политику так, чтобы гражданин независимого Казахстана не мог существовать, делать карьеру, успешно реализовать себя, расти и процветать без знания своего материнского языка. Ибо предашь свой материнский язык забвению, отречешься от него – загубишь душу, обречешь себя на нравственную гибель. В своей стране, на своей земле ты можешь сделать карьеру только и исключительно благодаря родному казахскому языку, а манкуртировать, прозябать без души, без родовой памяти ты можешь на английском, испанском, китайском, арабском языках. Не умирай, не хорони свой язык раньше времени, не поддавайся – сколько можешь – унификации, адаптации, глобализации, цепляйся насмерть за свой материнский язык, будь верным и достойным заповеди предков.

На том и стой наперекор всем напастям и прогнозам!

* * *

На исходе 2007 года вышли две книги, которые, думаю, привлекут внимание читателей. Одна под названием «Нужна ли тетиве стрела?» (480 страниц) издана в Алматы и принадлежит перу известного писателя и журналиста Адольфа Арцишевского, другая (182 страницы) – Любови Шашковой, «Предполагаем жить», увидела свет в Астане. Авторы этих книг я знаю давно, и оба мне симпатичны. В жанровом отношении эти книги близки, созвучны, согреты любовью к Казахстану и казахстанцам. Жанр своей книги Арцишевский определил так: очерки, эссе, диалоги. У Шашковой – статьи, интервью, очерки.

79 своих работ (кажется, все они публиковались в «Central Asia Monitor») Арцишевский распределил тематически по четырем частям, назвав их: «Негромкие мгновения бытия» (очерки о А. Мамбетове, А. Ашимове, Т. Шарманове, Д.Накипове, З. Мансурове, М. Зельцере и др.), «Они ковали нашу независимость» (Б. Момышулы, М. Габдуллин, Н. Сац, А. Шманов, Н. Искалиев, С. Такежанов и др.), «Былое и думы» (Л. Темкин, А. Черкасский, А. Лозинский, Ю. Кунгурцев, М. Симашко, Ю. Герт и др.), «Лики друзей» (Б. Кенжеев, В. Бадиков, А. Серкебаев, Б. Канапьянов, А. Молодов, С. Елубай и др.). Понятно, разделение столь богатого материала по разделам, скорее, условно. О знатных деятелях культуры, науки, литературы, о славных азаматах автор рассказывает проникновенно, с сыновней, братской любовью, живо, интересно, познавательно. О достойных людях Арцишевский и повествует достойно, прибегая к разным литературным приемам (повествование, психологическая характеристика, портретирование, диалоги и монологи, воспоминания очевидцев, документальные факты, лирические отступления, описания, комментарии и т.д.). Все эти приемы раскрывают разные грани героев, делают их живыми, близкими, пробуждают интерес к их жизни и деяниям, рождают эффект присутствия, сочувствия, выявляют наиболее характерные черты и качества тех, кто живет среди нас и кто покинул этот мир, являя собой гордость и духовное богатство нашей страны, нашего времени. Уже в самых названиях своих очерков и эссе Арцишевский находит точное определение своим излюбленным персонажем. «Нужна ли тетиве стрела?» – очерк о братьях-оружейниках Кульменовых, возродивших

древнее кузнечное ремесло, как отражение и выражение философии номадов. «Академик с бойцовским характером» – это о Торегельды Шарманове, неистовом пропагандисте исконной казахской культуры и здорового образа жизни. «Немного солнца среди вечной мерзлоты» – об Алдаре Петровиче Горбункове, ученом, изучающем вечную мерзлоту гор. «Музыка небесных сфер» – о народном артисте СССР, профессоре, хормейстере А.В. Молодове. «Об Алматы с любовью – из Берлина» – о почетном гражданине Алматы, краеведе Владимире Проскурине, живущем ныне в Берлине. И т.д.

Каждый очерк А. Арцишевского – точное попадание в цель, в самую суть судьбы незаурядной Личности. Именно этим и подкупает читателя его очерки, собранные под одну обложку в солидный том.

Достоинства книги Арцишевского нашли свое продолжение в труде Любови Шашковой, поэта, журналиста, переводчика, редактора. В сборник «Предполагаем жить...» вошли ее очерки, интервью, статьи, опубликованные в последние годы в газете «Казахстанская правда», в журналах «Нива», «Простор». Эти материалы о деятелях культуры и литературы прошлого и настоящего размещены в трех разделах, обозначенных эпиграфами из речей Нурсултана Назарбаева, Акима Тарази и Зейноллы Кабдолова. Условно говоря, статьи и интервью сгруппированы вокруг тем – «Культурное наследие», «Кино», «Литература». Конкретно о ком пишет Шашкова? О «незнакомом Назарбаеве» (фильм В. Рериха и С. Азимова), об авторах уникального издания «Махамбет», об Иманжусупе, Е. Рахмадиеве, М.М. Ауэзове, Сафаре Абдулло, о З. Кабдолове, Шоте Валиханове, Д.Ф. Снегине, М.Д. Симашко, о М. Бегалине, Аскаре Сулейменове, Дулате Исабекове и других. Знаковые фигуры казахстанской культуры, не так ли? Литература, искусство, культура – «конек» журналиста Любови Шашковой, она на этой ниве «пашет» давно, и об этих сферах пишет-рассуждает чутко, тонко, трепетно, как поэт. Меня, этнического немца, с детства впитавшего дух Казахи и казахов, особенно восхищает и умиляет ее проникновенное понимание казахского художественного мира. Как чутко, любовно она слышит Калтая Мухамеджанова, Аскара Сулейменова, Дулата Исабекова, выявляя трепетные струны их уникального дара!

Книги Арцишевского и Шашковой, о которых я здесь говорю, очень хорошие, светлые, лучезарные. Они сплошь пронизаны солнечными лучами щедрой, соприродной души. В нашей жизни много трудного, но многогранное наше бытие облагораживают ласковый свет, добро, талант, благородство, высокие душевные порывы, откровения и очарования, и Арцишевский, и Шашкова своими книгами это зорко подметили и ярко передали.

* * *

Литературу и искусство часто хоронят.

Лев Толстой сказал: «Искусство дошло до безумия».

Это конец XIX века.

Иван Бунин сетовал: «Литературе конец».

Это начало XX века.

Ныне, в начале XXI века, я сплошь и рядом слышу: «Телевидение и Интернет убили литературу. Они уже никому не нужны».

Жизнь, однако, продолжается. А где жизнь, там литература и искусство бессмертны.

* * *

У нас (не только в Казахстане) принято непременно перечислять все звания и регалии имярека-Паленшеева, тем самым как бы полагая, что он – Личность. А он никакая не личность, а мешок с побрякушками. У Абая какие звания и регалии? А он Абай! На Западе это понимают. У нас же подчеркивают: «Награжден медалью «Астана». Или «благодарственным письмом акимата». Всякая букашка у нас облеплена званиями, как шелудивая дворняжка – репейником. И народ по наивности думает, что если Мырқымбаев – лауреат, орденосец и народный (или заслуженный), то он, само собой, крупный писатель. О, Алла-ай!..

Я давно заметил: чем беднее и примитивнее страна, тем больше пышных регалий, громких званий и ярких побрякушек. Так украшают себя дикие племена в джунглях.

* * *

Умница Асия Байгожина (я знаю ее давно), рассуждая о человеке культуры в современном мире, тонко подметила, что эпоха Эдипа – как эпоха табу – сменилась ныне эпохой Нарцисса.

Что это значит?

«Время Нарцисса – время самовлюбленного человека... Сегодняшний человек культуры – это Нарцисс» (см. «Город», № 8 от 27.11.08).

Асия расшифровывает:

«Это человек потребляющий, у него нет ни субъекта, ни субстанции, ни воли, ни установки. Он стремится к одному из двух – или к интенсивности саморазрушения, или к жажде потребления».

Верно! Я бы только уточнил: неумная жажда потребления в конечном выражении и есть саморазрушение.

Диагноз Асия установила точный. И беспощадный. По-женски предельно максимальный. Цитирую: «Да, современный человек живет в состоянии абсолютной катастрофы. Действительность ужасна и катастрофична».

Я не столь чуток, как Асия. Я толстокож, как большинство мужчин. Но смутно ощущаю ее правоту.

«Какой же выход?» – вопрошает Асия. И обозначает три пути:

- а) убежать от реальности,
- б) найти себя в великой традиции,
- в) необходимо стать героем.

Асия убеждена: оптимален третий путь. «Рискуя жизнью, совершать поступки. Без риска не бывает духовного движения вперед».

Сердцем понимаю: она права. Именно так. Но искуситель Мефистофель мне нашептывает: с какой стати самовлюбленный Нарцисс станет рисковать жизнью и совершать поступки? Не будет он этого делать. Не сможет. И останется первый путь: убежать от реальности, приспособиться, мимикрировать. Что, собственно, повсеместно и происходит. Отсюда и предчувствие абсолютной катастрофы.

Скорей всего, интеллигенция, дойдя до катастрофы, испытав сполна истинный катарсис, потрясение-очищение, осознает истинность третьего пути. Асия при этом уповает на нравственный императив. «Только так. Все остальное обречено на провал».

Но когда наступит время третьего пути?

* * *

Есть в Казахстане такой философ – Қанағат Жүкешев. Он часто выступает в СМИ со статьями о философских проблемах педагогики, казахского языка, литературы. Он мыслит нестандартно, своеобразно. Резко и убедительно говорит о том, что «против шерсти» многих национал-патриотов, «не в струю» казалось бы незыблемых канонов.

Я давно читаю его труды и, случается, беседую с ним. Мне вообще интересны симпатичны ершистые люди, особенно если они что-то знают и отстаивают свое мнение. С какими-то суждениями Қанағата Жүкешева и я не соглашусь, но прислушиваться к его доводам нужно. Казахские журналисты яростно набросились на него и общими усилиями завалили-таки его докторскую диссертацию. Зря! Он действительно ученый, имеет свой взгляд, казахские корни его крепки, но он ничего не идеализирует, не мифологизирует, ко всему подходит с глубоких научных позиций, и если он думает не так, как большинство его коллег, то, на мой взгляд, это вовсе не беда, а достоинство, активное проявление катализирующей мысли.

В газете «Алаш Орда» (№ 8, 27.11.08) он опубликовал очередную статью, в которой изложил свою точку зрения на состояние современного казахского языка.

В чем суть?

Автор убежден, что в Казахстане параллельно развиваются две культуры – одна на русском, другая – на казахском. Русскоязычная культура, по мнению автора, довольно продвинутая. Казахскоязычная, мол, архаична, не соответствует духу мобильного Времени. Почему? Потому что основа ее зиждется на аульных представлениях, все ее компоненты – особенно в языке – выражают и отражают ушедший, невозвратный, патриархальный мир. Семантическая система языка, как путы на ногах, сковывает движение, не отражает индустриальный, городской менталитет, не идет в ногу со временем, блуждает в прошлом, оставаясь как бы законсервированной. В сущности, вселенский плач устраивают многие по аульной субкультуре. Семантическая основа «аульного» языка невольно приводит к скудости, ограниченности мировоззрения и мировосприятия, нынешний читатель не воспринимает мнимых прелестей аульного языка, в постиндустриальном обществе он не имеет будущего. Это умирающая субстанция. И Қ. Жүкешев в этой связи вспоминает известный постулат Ф. Ницше: «Падающего толкни». Отжившую свой век аульную субкультуру не стоит реанимировать. Нынешнее казахское общество – индустриальное общество с элементами аграрных представлений. А казахский язык остается на уровне аграрной ступени развития. Именно здесь возникает философское противоречие. И пока это главное противоречие мы не преодолеем, развитие художественной мысли невозможно.

Вот так (или примерно так) рассуждает ершистый, упрямый философ Қанағат Жүкешев, стойко выдерживая удары своих многочисленных оппонентов.

Конечно, сложно с автором таких неудобных, непривычных идей соглашаться, но рациональное зерно в его рассуждениях и конкретных примерах есть. Отмахиваться от них не след. И потому, полагаю, надо к нему прислушиваться, а не отвергать сходу, не лезть в бутылку, с чем-то доказательно поспорить, а что-то взять на вооружение.

Сам-то я вырос в ауле, высоко почитаю казахский «аульный» язык, вижу в нем мощь и природную прелесть, но знаю, понимаю также, что времена меняются, общество меняется, представления о жизни меняются, и все эти крутые перемены, конечно же, должны находить отражение в сложной семантической системе живого языка.

Многое из того, что мы повседневно слышим в современном казахском языке, Абай явно не понял бы. И Гёте наверняка сильно изумился бы, услышав современный немецкий язык. Но такова диалектика языкового развития, и не считается с этим никак нельзя. А диалектика живого языка должна находить свое отражение в первую голову в искусстве, в литературе, в художественном восприятии мира.

* * *

О Холокосте шум на весь мир. И я это очень хорошо понимаю. О том надо бить во все колокола.

А вот русских крестьян в годы коллективизации уничтожено в 1,5 раза больше, чем евреев при Холокосте. И о том ни слова. И этого я не понимаю. Мстя за Гитлера, советская власть сознательно истребила физически одну треть российских немцев, а остальных за три десятилетия убила нравственно и духовно. Но об этом как-то не принято говорить. И мне это тоже непонятно.

* * *

Лет двадцать (а, может, и больше) назад я познакомился в Ялтинском Доме творчества писателей с литератором-марийцем Ибатовым. Стройный, поджарый, симпатичный человек. Очень переживал за свою национальную литературу. Огорчался, что никак не могут набрать в своей республике двадцать членов Союза писателей. Доведут число до шестнадцати-семнадцати, и обязательно кто-нибудь отправится в мир иной. Беда! И совсем мало пишут на родном языке. Молодые норовят писать по-русски. «Я уже на все махнул рукой, – признался мне мой марийский коллега. – Все обрусели. Все родное, кровное потеряно. Страшная ассимиляция!».

Я заметил: даже с женой Ибатов большей частью говорил по-русски.

Я тогда подумал: а ведь с российскими немцами происходит то же самое.

В 1969 году я несколько дней гостевал в мордовских селах. Говорили сплошь по-русски. И пели то и дело – слаженно, громко: «Ой, мороз, мороз». Водку глушили и стар, и млад. Пили и в банях, которые топили «по-черному». Молодежь почти вся работала в городах. Подвыпив, старухи иногда перебрасывались короткими, явно полузабытыми словечками и фразами – то ли на эрзя, то ли на мокша. По моей настоятельной просьбе кое-как спели одну старинную мордовскую песню. Слова выговаривали лишь две старухи, остальные лишь вторили, подпевали, подвывали, то и дело сбиваясь на русскую тональность. Многие записывались не мордвой, а русскими. Страшно удивлялись тому, что я немец. Один даже спросил: «Разве немцев не всех перебили?!» «Один, выходит, уцелел», – ответил я.

Позже, уже в 80-ые годы, в одной из гостиниц Москвы я оказался в одном номере с представителем народности коми. И он – тоже с горечью – мне поведал, что коми сплошь обрусели, редко кто может изъясняться на языке коми. А молодые предпочитают записываться русскими.

Прошло столько лет. Понятно, что языковое положение в Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Коми не улучшилось. Малые народы финно-угорской группы лишились родного языка и, разумеется, национального своеобразия. Недавно в Йошкар-Оле финно-угорские писатели провели свой X-й Международный конгресс. И вот алтайский писатель, культуролог Бронтой Бедюров констатирует (ЛГ, 05-11 ноября 2008 г.):

«Это, прямо скажем, духовное усеменение».

«Идет процесс обрусения, главным образом, в языке».

«Дело в том, что сегодня многие родным языком владеют хуже, нежели русским».

«Ведь сейчас огромный пласт молодежи, лучше владеющий английским, чем национальным языком, вымывается из республик Балтии и СНГ в поисках лучшей доли. Уезжают в Европу, в Финляндию, в Америку».

Бронтой Бедюров задается вопросом: «Зачем, скажем, мордовскому писателю издаваться в Финляндии, если бы у него была возможность выпустить свою книгу в Москве?»

Алтайский писатель, оказавшийся гостем на X-м конгрессе в Йошкар-Оле, полагает целесообразным создать в Москве координационный центр по переводу.

Не знаю... Координационный центр в Москве, может быть, неплохо, но положение угро-финских языков он не спасет.

Повторяю: мне эта ситуация очень знакома, ибо тот же губительный для национальных литератур процесс проходит на моих глазах и в литературе российских немцев. Та же проблема, та же тревога, то же горе. Эмигрировав в Германию, российские немцы со временем онемечиваются, конечно, но за счет потерь всего того, что составляет их национальную ментальность. По моему убеждению, потеря значительно больше, чем обретений. Казахская поговорка гласит: «Старый урус мусульманином не станет». К тому же в поисках своих корней в какие края податься коми, удмуртам, мордвинам, марийцам?

Почему об этом пишу? Потому что этот процесс духовной девальвации, языковой деградации, вымывания всего истинно национального явно происходит и среди казахов, киргиз, татар, чьи языки катастрофически засоряются русизмами. А это очень тревожно. То, что происходит ныне с казахским языком, вызывает опасение не только у Шаханова, но в данном случае и у меня. Судьба финно-угорских литератур черной тенью висит-витает над многими языками и литературами.

* * *

Сколько у нас исторических романов, фактологическая основа которых выдана буквально из пальца. А вот справочные и подсобные материалы для романа Вл. Богомолова «В августе сорок четвертого» («Момент истины»), как оказалось при разборке архива, состояли из 24679 выписок, копий и вырезок различного характера. Интересно, сколько же архивных документов использовали наши доморожденные исторические романисты – авторы пухлых диалогий, трилогий, тетралогий и хамсы-пятерицы.

* * *

Много высоких и умных слов сказано о поэтическом переводе. Недавно попалось мне на глаза восхитительное определение К.Бальмонта:

«Это – и соучастие душ, и поединок, и бег вдвоем к одной цели... Ну, говоря вообще, поэтический перевод есть лишь отзвук, отклик, эхо, отражение. Как правило, отзвук беднее звука, эхо производит лишь частично пробудивший его голос. Но иногда, в горах, пещерах, в сводчатых замках, эхо, возникнув, пропоет твой вскрик семикратно, в семь раз отзвук бывает красивее и сильнее звука. Так бывает иногда, но очень редко, и с поэтическими переводами».

Красиво, образно и абсолютно верно сказано.

* * *

У Тимура Зульфикарова, русскоязычного таджикского писателя, весьма, кстати, своеобразного, корреспондент ЛГ спрашивает (ЛГ, № 51/08): «Кто ваши друзья в литературной жизни?» Следует ответ: «Мои друзья и Учителя: царь Соломон, Гомер, Данте, Руми, Гоголь, Борхес».

Я так высоко не взываю. Мои учителя ближе к нашему времени. Из немцев я обычно называю Томаса Манна и Генриха Бёлля, из русских – Льва Толстого, Ивана Бунина, Александра Солженицына, из казахов – Мухтара Ауэзова, Жусупбека Аймаутова и Ильяса Жансугурова. Их я могу читать-перечитывать всегда, постоянно.

* * *

Интересно, сколько в Казахстане стихотворцев? Несть числа. Среди казахов – это-то я знаю! – стишок по тому или иному поводу сочинить способен едва ли не каждый второй. Да и профессиональных акынов предостаточно. Добавьте сюда еще дивизию айтыскеров. Уж кого-кого, а акынов, философов, экономистов и юристов у нас с избытком. Открываю «Қазақ әдебиеті», «Әдебиет айдыны», «Ана тілі», «Жас алаш», косой десяток литературных журналов – целые полосы стихи, стихи, стихи. Раньше вся казахская степь пела, теперь же эта степь слагает стихи. Я с любопытством их читаю, но странно: не цепляет, не волнует, все сливается, смыкается, тут же выветривается, в голове сумбур и каша, ветер гуляет, хотя версификационно все нормально, все на месте, и ритм, и рифмы, и строка, и строфа, и сравнения, и метафоры, и прочие поэтические штучки-дрючки. В чем дело? Видно, вкус притупился, отбор не тот, уровень низок, мысль мелка. Или я на старости лет словом отравился, и башка пуста? Не сразу и пойму.

Знаю ведь, убедился: в казахской литературе наиболее сильный пласт – поэзия. Традиционно. Искони. Но, видно, и времена другие настали, и другие виды искусств незаметно, исподволь вытеснили мощь и красоту казахского природного поэтического речестроя. То есть, хочу сказать, поэзия стала не единственной (или не главной) формой выражения казахского духа, дух размылся, разжижился, истаял, испарился. Может, я что-то не понимаю. Но так мне кажется. Поэзия обернулась массовой болезнью. Точнее, не поэзия – стихотворчество. А потому «шөп те өлең, шөңге де өлең, өлең де өлең» («И трава стихи, и заноза – стихи, и стишки – стихи»). И еще мне чудится, что нынешние стихотворные подборки в казахских СМИ совершенно не привязаны ни ко времени, ни к пространству. Они родились по наитию, сами по себе, как Бог на душу положил, какие-то общие, – о том, о сем и ни о чем. Вот «Выхожу один я на дорогу» и по сей день волнует, будоражит, наворачивает на глаза слезы, там всплеск чувств и дум, энергия и за-таенная мощь, боль одинокой души и потрясение оттого, что «пустыня внемлет Богу» и «звезда с звездой говорит».

Я знаю, конечно, прекрасных современных казахских поэтов. Могу назвать посреди ночи десяток-другой. Слежу за их творчеством. Некоторые пытаются осмыслить наше общество, наше время, наш заман. Многие, чувствую, в растерянности. Очень уж смутно ощущают, «куда ведет нас рок событий». Потому одни продолжают чирикать о том, о сем, туманными намеками вроде как что-то выражают, оглядливо озираясь по сторонам и особенно наверх, как бы чего не вышло. Другие едут на раздрызганной арбе и гнусавет опостылевший «а-ляу-ляй». Третьи изо всех сил стараются угодить властям и сильным агашкам и кокешкам, пишут длинные, как аркан, оды-дастаны, надуваются, пузыряются, рассчитывая на Госпремию или хотя бы на подачки-объедки с байского-барского стола-дастархана.

Неужели я не прав? Или лезу в чужой огород? Среди нынешних казахстанских поэтов, по моему разумению, особо выделяются двое: Темирхан Медетбек и Иран-Гайып. Оба именитые, маститые, мастеровитые. Я их знаю и читаю давно. Они чувствилище современного бытия. Они чутко уловили все, что происходит в обществе, обладают неукротимым, даже буйным бунтарским темпераментом, бесстрашием, они ярко и яростно напористы, не трусят послушно по обочине, не скулят в закутке, не таятся раком-отшельником, не поют под сурдинку, не подлаживаются к хозяевам жизни, к жирным пингвинам, а резки и беспощадны в своих суждениях, смело обнажают все «свинцовые мерзости», весь набор современного «ілік-шілік» деловаров-юркачей, срывают маски фальши, лжи политических лицедеев, ненасытных обжор-хватов, находят слова, отравленные болью и злостью, раскаленные гневом и печалью, объятые высоким пламенем подлинно гражданской поэзии. В доказательство своих слов я сошлюсь хотя бы на две подборки-полосы: Темирхана Медетбека в «Жас алаше» (18.11.08) под названием «Это общество зашло в тупик» и Ирана-Гайыпа тоже в «Жас алаше» (08.01.09) под названием «Нет у меня никакой загадки» (антитеза абаевскому: «я человек-загадка, помни о том»). Поразительные по своей яркости и обнаженности стихи! Они «цепляют», волнуют, будоражат, вдохновляют, манифестируют, призывают, разоблачают, обжигают, заряжают своей энергией, непримиримостью, буйной, хлесткой стилистикой, лексикой, криком взбудораженной, изболевшейся души, яростью возмущенного сердца. Общественные язвы увидены, подмечены, обозначены, выражены, осуждены предельным поэтическим напором и накалом. Таких стихов и такой формы выражения я не встретил и в русской поэзии. И какая жалость, что эти стихи не переведены на русский язык и почти – на мой взгляд – адекватно непереводимы, настолько они необычны и национально, эмоционально окрашены. Пожалуй, их могли бы передать по-русски разве что А. Вознесенский, Е. Евтушенко, О. Сулейменов.

Я обрадовался тому, что в океане казахского стихотворчества наткнулся на два больших и надежных острова, свидетельствующих о жизнестойкости казахской поэзии на современном этапе. Острова эти – Темирхан Медетбек и Иран-Гайып.

* * *

Все же, полагаю, главное достоинство писателя – компетентность, интеллект, кругозор. Если у него есть эти качества, он интересен, и произведения его долговечны. Опытный человек это мгновенно определит.

Знаю одного казахского «классика», который лепит, крутит и так, и сяк словословечки, переписывает, правит, редактирует, украшает, вылизывает, облизывает свои опусы-творения, искренне полагая, что сугубо языковыми ухищрениями можно спасти или хотя бы завуалировать хилую банальщину. Мудрый покойный мой друг Аскар Сулейменов едко сказал о нем: «Пәлі! Он думает с помощью языка родить мысль, когда, наоборот, мысль диктует язык». Но откуда мысль, если писатель необразован, некомпетентен, не знающ. Голые потуги! Тщета! Тот же Аскар об этом «классике» сказал: «Он тужится, тужится, искусственно вызывая роды, а ребенка-то нет. Он даже не зачат».

Таких писателей, имитирующих роды еще не зачатого дитяти, – много. А читателя не обманешь.

Я не раз задумывался: почему Шекспир столь долговечен? Почему он волнует и столетия спустя? Ведь не благодаря каким-то языковым выкрутасам. А потому, думаю, что он был очень образован, интеллектуален, много знал, потому, что его трагедии – энциклопедия жизни и человеческих страстей.

Вот о чем свидетельствует шекспиروهеды (см. «Шекспировские чтения» И.М.Гилимова): «Специальные исследования, проведенные учеными за последние полтора столетия, показали основательность познаний Шекспира в английской истории, юриспруденции, риторике, музыке, ботанике, медицине тех лет, военном и даже морском деле. В шекспировских произведениях насчитал 124 места, связанные с юриспруденцией, 172 – с морским делом, 192 места свидетельствуют о знании и опыте военного дела, слово «музыка» и производные от него встречаются 170 раз. Статистики выявили 196 мест в его произведениях, где видно знание времяпрепровождения титулованных лендлордов, их игр и развлечений, в том числе таких редких и дорогих, как охота с соколами, псовая охота, теннис. Ботаники обратили внимание, что герои Шекспира упоминают названия 63 различных растений». Замечу: по знанию казахской фауны и флоры с Шекспиром может состязаться, пожалуй, только один Ильяс Жансугуров).

И еще: список использованных Шекспиром источников на разных языках занял 8 томов. Представляете, 8 томов списка использованных источников!

И еще: «Произведения Шекспира также свидетельствуют, что он владел французским, латинским, итальянским, мог читать по-гречески».

И еще: «Шекспир знал произведения Монтеня, Рабле, Ронсара, Ариосто, Боккаччо, Банделло. Он превосходно знал греко-римскую филологию, литературу, историю, часто использовал сочинения Гомера, Плавта, Овидия, Ливия, Сенеки, Плутарха, Аппиана».

Фантастически много знал Шекспир! Все эти выше приведенные сведения я вызнал из статьи Александры Поземской (см. «ЛГ», № 52/08).

А как были образованы Гете, Толстой, Ауэзов! Из современных казахских писателей я восхищаюсь начитанностью Кекилбаева, Магауина, Мурата Ауэзова, Сейдимбекова, М.Кул-Мухаммеда, Журтбаева, Кодара. Потому их и читать, и слушать интересно. У них удивительно широк диапазон, дыхание. Талант талантом (это уж как Бог рассудит), но если он не просвещен, не образован, не отшлифован разными знаниями, он все же ущербен, и цена его невелика. Изящно выражаться, забавляться-жонглировать словами и увлекать читателя – серьезное качество для писателя, но самое важное – читателю что-то сказать, сообщить и куда-то его вести. То есть, прежде, чем казаться, надо чем-то или кем-то быть.

* * *

Белое гусиное перо, перерезанное колючей проволокой на черном фоне обложки, точно определяет содержание книги «Тагдыр және Қарлаг» – «Судьба и Карлаг». Два символа: вольного творческого труда и неволи, насилия, сплетенные жестокой судьбой.

Два названия: значит, книга на двух языках – казахском и русском.

Она охватывает, главным образом, тяжелый период в жизни автора – узника Карлага – человека незаурядного, благородного, ученого-абаевода, поэта, переводчика, драматурга, литературоведа, интеллектуала, яркого представителя подлинной казахской интеллигенции.

Он прожил долгую, достойную жизнь. Родился 5 января 1916 года. Скончался 30 июня 2004 года.

Обладатель многих ученых званий, титулов, премий. Автор ряда монографий и фундаментальных статей-исследований. Сподвижник Мухтара Омархановича Ауэзова. Автор текста Гимна Казахской ССР. Лауреат Государственной премии Казахстана.

Особо отмечу: отец десятирех талантливых, образованных, воспитанных детей.

По навету, из-за подлых интриг в науке и литературе был осужден как «враг народа», как «националист», как «буржуазный ученый», как «носитель феодальных взглядов» на 25 (!) лет.

Горжусь: я знал его, общался, изучал его труды. И даже писал о нем.

Речь идет о Габдулкаюме Мухамедханове, сыне мецената, деятеля культуры Мухамедхана Сейткулова, расстрелянного в 1937 году.

Дети заботятся о большом творческом наследии отца. Издали многотомник его трудов, книгу воспоминаний и эту книгу – «Судьба и Карлаг».

Последняя создавалась на моих глазах. Дина Мухамедхан ознакомила меня еще с первым вариантом рукописи, и я понял, что ее необходимо издать наперекор интригам и недоброжелателям разных мастей и их последышам и в назидание потомкам, по Абаю, «чутким сердцем и душой». Все документы, включенные в эту книгу, представляют живой интерес к недавнему нашему прошлому, к пути справедливости, к неодолимой человеческой воле, к наследственному благородству, мужеству, духовной чистоте, высоким душевным порывам.

Какие это документы? Письма к жене, к детям, родным и близким; письма-обращения в разные инстанции; заявления; опись изъятых книг и рукописей; ордер на арест; отзывы на роковую диссертацию; публичные инсинуации; воспоминания; стихи-посвящения; фотографии разных лет; лагерные снимки; разные акты и постановления; справки; выступления оппонентов; свидетельства об интригах; биографические сведения; исповедальные признания; собственные стихи; перевод «Бедной Лизы» Карамзина, осуществленный в Карлаге в стихотворной форме (как в свое время Шакарим стихами перевел повесть Пушкина «Дубровский»); анкета арестованного; словесное описание арестанта; резолюции прокурора; телеграмма об освобождении; перечень трудов; даты жизненного пути; документы вплоть до плацкарты в жестком вагоне. Документы, свидетельствующие о трагическом этапе жизни славного Гражданина-Азамата Каюма Мухамедханова.

В этом ценность книги. И в этом заслуга детей Ученого, бережно сохранивших весь этот немалый архив.

Не стоит распространяться о познавательном и воспитательном заряде этой книги. И так все определенно ясно.

К изданию книги приложил руку Фонд имени Фридриха Эберта.

Композиционно книга выстроена убедительно. Жаль, слишком уж мал тираж. Жаль, что немногие узнают о скорбной одиссее настоящего сына казахского народа. Потому и пишу эти строки, дабы привлечь внимание к этой трагической судьбе.

Дина Мухамедхан приводит подстрочный перевод тюремного стихотворения Каюма-ага.

Не обижаюсь я на судьбу и не виню ее,
Хотя все испытания и горечь дала мне.
Сердце мое осталось живое.
Судьба, ты свободу у меня отняла,
Но я не пошел у тебя на поводу...

Эти строки как гордая исповедь.

Гарифолла Есим говорит:

«Имя Каюма Мухамедханова переживет века! Его имя связано с великим Абаем, с великим Шакаримом, с великим Ауэзовым. А это должно облагораживать всех казахстанцев и обогревать духовно родной Казахстан!»

Доктор филологии Турсын Журтбай выразился кратко: «Қайым Мұхамедханов – Абайдың інісі, Алаштың ірісі».

И я повторяю здесь свои слова: «Правду необходимо знать, если мы хотим иметь дело с духовным прогрессом народа. И именно в этом заключается один из нравственных постулатов Каюма Мухамедханова.

Мне всегда казалось, что он из плеяды верных абаевских шакирдов, яркий представитель национального духа, носитель подлинной национальной культуры... Я воспринимал его, как последнего из могикан, как наследника великих сынов «Алаша», как одного из последних представителей абаевской школы».

* * *

Критик Герберт Кемоклидзе в статье «И дольше века длится жизнь» (ЛГ, №52/08) нащупывает творческие параллели в судьбе и жизни Александра Солженицына и Чингиза Айтматова. Мне это показалось несколько спорным.

Да, оба родились в декабре, почти в один день. И умерли примерно в одно время. Один чуть не дотянул до 90 лет, другой – до 80. Оба имениты, переводились на многие языки, издавались миллионными тиражами. Обоих не обошли репрессии. Солженицын – убежденный борец с «Софьей Власовной» (Советской властью). У Айтматова был расстрелян отец, и клеймо сына «врага народа» преследовало его едва ли не всю жизнь. Я помню, как он, всемирно известный писатель, рассказывал во время вечерней прогулки в Ташкенте про свои детские мытарства.

Герберт Кемоклидзе пишет: «Солженицына и Айтматова больше ничто не разъединяет. А объединяет многое. И в первую очередь – страстное, а по нынешнему времени, может, уже и донкихотское представление о литературе, как единственной выразительнице народной совести, как носительнице учительской миссии в конструировании народной души».

Еще одна цитата: «Спасение человека Солженицын видит в четком следовании христианским заповедям. К этой мысли пришел и Айтматов, обратившись в

«Плахе» к Христу и объявив двадцать лет назад в «Литгазете», что мусульманская религия такой фигуры не имеет».

В моем представлении все эти тезисы плохо укладываются. Все же чудится мне: Солженицын и Айтматов – не равновеликие, а разновеликие фигуры. И у них, допускаю, больше различий, нежели сближений.

А вот тезис, который у меня лично спора не вызывает: «У Солженицына люди преследуют людей, как волков. У Айтматова люди преследуют волков, как людей. Круг замкнулся».

У меня же всегда вызывает досаду и горечь тот факт, что очень симпатичный моей душе Чингиз Турекулович в августе 1973 года в «Правде» осудил Солженицына как злостного клеветника на тогдашний государственный строй. Правда, то письмо подписали, помимо Ч.Айтматова, и Ю.Бондарев, и В.Быков, и Р.Гамзатов, и С.Залыгин, и В.Катаев, и М.Шолохов, и А.Чаковский, и другие. Позже, за небольшим исключением, все они прозрели и в той или иной форме выразили то же самое, что и Солженицын многими годами раньше.

Конечно, я знаю, как организовывались такие письма, и все же мне трудно себе объяснить, почему Ч.Айтматов – умный, дальновидный, осторожный, чуткий, познавший в детстве и юности несправедливость и коварство властей, – подписал ту злополучную «телегу». Я могу объяснить это только откровенным давлением сверху, платой за ласку и человеческой слабостью – тем, что казахи обозначают ёмким понятием «пендешілік». Выходит, и крупный художник, мыслитель – в сущности «пенде» – слабый человек. Выходит, и его одолевает «пендешілік» – мелкий житейский расчет. Расчет обернулся просчетом. Серьезным изъяном. На такой «пендешілік» не пошли бы ни Л.Толстой, ни А.Солженицын. Можно ли, в самом деле, вообразить рядом с Брежневым, Андроповым, Горбачевым, Кунаевым, Колбиным, Назарбаевым, Акаевым такого ранга Александра Солженицына? Абсолютно исключено! А Айтматова не только можно – так было в реальности, и ему это даже льстило. И вот я думаю: возможно, именно эту очевидную слабинку (с учетом и других сознательных заигрываний с властями) и имел в виду Нобелевский комитет, упорно отказывавший Айтматову (несомненно, достойному!) в вожденной им премии Нобеля? Не знаю. Не могу судить, но сближать этих двух титанов – Солженицына и Айтматова – как это сделал Кемоклидзе, я бы все же не стал. Коэффициент полезного действия все же несопоставим.

* * *

Знаменитый французский киноактер Жерар Депардьё заявил в газете «Le Journal du Dimanche»: «Сейчас все определяют деньги и жулики... Каждую неделю на французские экраны выходит 14 картин. Чтобы их посмотреть, надо ходить в кино два раза в день... То же самое с музыкой и литературой. Каждую осень во Франции выходит 700 новых романов. Кто их в состоянии прочитать? Слово обесценено. Поэзия погибла. У всех поехала крыша».

Нечто подобное – конечно, в меньших размерах – происходит и у нас, в Казахстане. И я мог бы сказать то же. Хотя я и далеко не Депардьё.

* * *

Предсказаниями, предвидениями Нострадамуса и Ванги изумляется весь мир. Провидцы были и среди казахов. Одного из них звали Мөңке Тілеуұлы. Известно, что он родился в 1675 году на территории нынешнего Шалкарского района.

Был он акыном, прославленным бием, мыслителем. Свои предвидения облекал в философскую стихотворную форму. Некоторые из них дошли до нас. Вот образцы тех поэтических прозрений, изложенные мною корявой прозой, можно сказать подстрочником. Мөңке предвещал:

...И будут дома составные, сборные,
за каменной оградой.
И будут судьи скользкие и верткие,
которых ничем не проймешь.
Будут ежемесячные сборища,
от которых народу и пользы-то в слепую копеечку.
И будет сын твой проныра, пройдоха
по имени Ежірей.
И будет дочь непослушная, вздорная
по имени Бежірей.
И будет сноха, переступающая тебе дорогу,
по имени Едірей.
И будет пить желтую водицу,
Которой и собака брезгует,
Но люди возжаждут ее.
Будут снадобья – кругляшки-пуговики,
Будет старичье, которое молодежь
и в грош не ставит.
И будут твои дни без надежды на завтра,
И братишка младший схватит тебя за ворот,
И язык твой будет корявый, пёстрый,
И вера твоя станет сомнительной,
Появятся упыри, кровь людскую сосущие,
Станет черствой близкая твоя родня,
Будут мужчины и женщины царапаться,
Как собака с кошкой.
Пустыми бумажками сорить будут,
Будто водой.

Такое вот предсказание бия, акына, степного мудреца Мөңке, изложенное в стиле жырау (сказителя) в начале 18-го века, т.е. триста лет назад.

И что тут комментировать, разгадывать? Достаточно взглянуть на нынешнее наше общество.

Еще один пример:

От полноводных озер останется лишь дно,
Исчезнут скакуны, останутся лишь клячи,
Ум покинет джигитов, останется расчет,
Исчезнет стыд у женщин, останется смазливость,
Слово лишится смысла, останется лишь тень,
Дух святого сгинет, останется надгробье.
Достойные исчезнут, останутся ничтожества,
Наступят времена безумцев, безмозглых.

Еще одна миниатюра:

Разных-разных племен-народов много будет,
Днем и ночью светло будет.
На весь мир протянутся пути
От выси и Создателя.
Без платы человек трудиться не будет,
На разные куски мир раздробится.

Но... все это мы нынче видим. Как степной мудрец-рапсод все это предвидел?! Какой прозорливый ум! Мөңке яснее, доступнее, чем темный, загадочный Нострадамус.

В поэзии казахских жырау-сказителей 17-18 веков много поразительных жемчужин. Досадно: нынешние казахи предали их забвению.

* * *

С любопытством читаю толстущий (43,6 п.л.!) том Бенедикта Сарнова под названием «Сталин и писатели» (М., «Эксмо», 2008, тираж 5000). О Сталине мне лично читать давно надоело. Но эта книга интересна и ценна тем, что приведена масса документов, уйма свидетельств, даны письма писателей Сталину и Сталина – писателям. Эти документы, с одной стороны, полнее раскрывают именитых, признанных советских писателей (и не всегда положительно), с другой, наглядно представляют саму эпоху, которую я с высоты прожитых лет еще чувствую, сознаю.

Это – пока первая книга. Здесь шесть больших глав: «Сталин и Горький», «Сталин и Маяковский», «Сталин и Пастернак», «Сталин и Мандельштам», «Сталин и Демьян Бедный», «Сталин и Эренбург».

В таком ключе, в такой стилистике автором задумано еще 14 глав – «Сталин и ... А.Н.Толстой, Зощенко, Ахматова, Пильняк, Фадеев, Бабель, Мих. Кольцов, Ник. Эрдман, Афиногенов». Значит, предстоят, видно, еще два томища.

Весьма познавательное исследование, вбирающее в себя огромную эпоху со всеми сложностями, страстями, трагедиями, противоречиями, нюансами.

Все эти писатели, о которых идет в первой книге Б.Сарнова речь, – крупные, колоритные, талантливые, неоднозначные, знаковые фигуры. Поражает то, что над их яркими судьбами довлеет мрачная и суровая тень личности Сталина, который всех этих писателей знал, читал, за всеми внимательно следил, получал от них письма (нередко длинные, нудные, холопские и фамильярные, как, скажем, от Демьяна Бедного), во всем разбирался, заставлял всех (и самых строптивых) считаться с собой, с линией партии, с коммунистической идеологией и диктовал настойчиво и последовательно свою несокрушимую волю. При чтении этой книги поневоле испытываешь ощущение, будто Сталин только и делал, что занимался исключительно литературно-художественными и театральными делами (не выходит из моей головы такая деталь: знаменитый артист Борис Ливанов на правительственном банкете подошел к Сталину и спросил: как ему играть Гамлета? Каково?! Я не могу себе представить, чтобы наш Тунгышбай подошел бы на банкете к Назарбаеву и спросил: как ему сыграть Абылай-хана?) помимо руководства громадной империей, партийных, фракционных интриг, беспощад-

ной борьбы с противниками, индустриализации, коллективизации, советизации страны, войны с фашизмом и пр., и пр. Это поражает. Просто уму непостижимо. Все это вне человеческих возможностей. При этом названные писатели видели «вождя» прозорливо, но и он видел их насквозь. Действительно, как писал, кажется, Эренбург, Сталин – человек большого ума и большого коварства.

Но мне не о том хочется сказать. В конце концов все это – не моего ума дело.

Я просто подумал: если бы собрать все письма, клязусы, доносы, подхалимские и верноподданнические записки наших казахстанских писателей, написанных ими, скажем, Шаяхметову, Кунаеву, Назарбаеву, в КГБ и разные московские инстанции, в несколько томов – о-о! – какое бы это было чтиво: во-первых, наши доморощенные корифеи раскрыли бы во всей неприглядности свою отнюдь не благородную натуру (по-казахски выражаясь, артын ашар еді), во-вторых, нынешнее поколение узнало бы суть той эпохи, те нравы, облик своих кумиров и сделало бы подобающие выводы впрок на будущее. Ныне многие склонны все валить на то жестокое время, на тогдашнюю классовую идеологию, на Сталина и его окружение, а на себя оглядываться просто-напросто не желают. А ведь в трагедии народа в большей степени, перво-наперво виноваты как раз те, кого ошибочно считают выразителями дум и чаяний народа.

Е-е, братцы мои, истинную правду еще предстоит раскрыть во всей «свинцовой мерзости». Такие вот мысли рождает серьезная и познавательная книга Бенедикта Сарнова.

* * *

18 марта 2009 года исполняется 85 лет со дня рождения Мориса Давидовича Симашко. Славный был казахстанец. Видный писатель. Произведения его переведены на сорок языков мира. Регалий и титулов полный корджун. Участник Великой Отечественной войны. На склоне лет по семейным обстоятельствам подался в Израиль, где и умер девять лет тому назад.

Последний его роман – «Четвертый Рим» – роман-исповедь, роман-аманат – опубликован у нас, в Казахстане, лишь частично, в двух-трех журналах, а с изданием отдельной книгой что-то никак не получается. Больше всех печется о своем покойном друге известный фронтовик, полковник в отставке, активная душа – Леонид Гирш. Звонит он мне: «Как быть?» Один умывает руки, другой отказывается, третий беспомощен, никому ничего не надо, даже письмо-просьбу на имя Президента подписывать не хотят. А речь идет об одном: об издании интересного и актуального романа «Четвертый Рим».

И я беспомощен этому содействовать: ни средств, ни связей, ни официального статуса. Грустно!

Вспомнилось: «Өлдің, Мамай, қор болдың».

Подумалось: «Завтра та же участь постигнет и меня. Казахи скажут: «Бельгер? Кто он такой? А-а... пусть его чествуют-издают немцы». Немцы скажут: «Бельгер? Так вроде он больше с казахами возился. Писал о них, переводил. Пусть и позаботятся о нем». Русские скажут: «Бельгер? Да пошел он на хрен. У нас своих достаточно».

И услышав эти разговоры, я только усмежусь на том свете. В самом деле, кто кому нужен, господа?

* * *

Разбирая завалы книг на балконе, натолкнулся на книжку М.А. «Уйти, чтобы вернуться». Это дневниковые записи М.А. 1978-79 годов. Я эти записи читал еще в «Тамыре» лет, думаю, шесть назад. Теперь с большим интересом прочел и книжку. Союз писателей Казахстана того времени мне хорошо знаком. Помню атмосферу, консультантов, руководителей тех лет и большинство героев, обозначенные М.А. инициалами, мне знакомо. Симпатичны и все мысли-рассуждения медитации автора – человека неординарного, искреннего, деликатного, порядочного, воспринимающего все вокруг через призму интеллектуальной, одинокой, порою неприкаянной души. Именно эта сторона и привлекает меня в сложной психологической организации автора. Мне показалось, что жить ему сложно. А меня привлекают-манят люди, у которых не все просто. В нем странно сочетается, переплетается много сложного, противоречивого, может, даже болезненного. Он рос в репрессированной семье, где все с детства подбиты, ушиблены жуткой несправедливостью, болью, душевным надломом. По сути, он сам подранок того крутого времени. А с другой стороны, великий отец, тоже сложного, трагедийного склада, интеллигент, творец, сполна познавший «свинцовые мерзости» не одной эпохи, не одной общественной формации. Человек времени сложного, путанного, противоречивого, жестокого, нередко подлого. И все это причудливым образом отложило отпечаток в ранимой, очень восприимчивой и взыскующей, рано развившейся душе импульсивного, чистого помыслами юноши. Видно, он трудно рос. Трудно складывался и душевный мир. Примитив вокруг угнетал, подавлял его, ложь унижала. Другой на его месте, полагаю, либо спился бы, либо свихнулся, либо стал ненужным, чудаковатым эрудитом. Ему очень трудно было сохранить живую душу. Но он выстоял. Однако, и взрослым ему легче жить не стало. По сути он одинок. Даже среди друзей и близких. Трагично одинок. И можно только восхищаться его природным даром, его интеллектом, его культурологической всеохватностью, его способностями мыслить и страдать. Мне кажется, я его понимаю. И еще мне чудится, что многие из его окружения не понимают. И легкая жизнь ему не светит до скончания дней. Свою смятенную душу он даже выразить в полной мере своего таланта не в состоянии. След, оставляемый им блестящими устными импровизациями, неадекватен его умственной мощи. Душа его в постоянных поисках святого Грааля, в смятении и раздразне. Приспособиться к реальности ему невыносимо. В нем, как и у отца его, причудливо уживаются несколько эпох, несколько слоев народной боли, воли и судьбы.

Так мне немного сумбурно подумалось при вторичном прочтении его давних дневниковых записей.

* * *

Совершенно шикарная фраза: «В стране идиотов каждый дебил мнит себя гением». Увы, не я автор этой сентенции, а Евгений Тарасов (ЛГ. № 7/09). И еще одна его фраза: «Ничего так не манит, как мания величия!!»

* * *

Дарья Донцова, извещают «Известия» (03.03.09), презентовала на днях свой сотый (!) роман. Корреспондент спрашивает: «Сейчас вы работаете над сто первым?» «Что вы?! – восклицает не в меру писучая авторесса. – 112-й роман в типографии».

Что тут скажешь? Великий Толстой за свою долгую жизнь написал три романа. Пока еще невеликий мой друг Дукенбай за 40 лет неустанного труда выдал 8-9 романов. Дарья Донцова за несколько лет состряпала 112 романов и построила на гонорары трехэтажный особняк в Подмосковье.

Каково? Десяток бойких женщин в России наводнили мир коммерческими романами. Донцова, случается, строчит в день по 60 страниц. Русским классикам такое и не снилось. Разве это не свидетельствует о деградации культуры? Ужасно все это!

* * *

Странное, двойственное, порою скользкое впечатление оставляет книга Владимира Бушина «Живые и мертвые классики» (М. «Алгоритм», 2007). Автор – критик, публицист, поэт (1924 г. р.), активно печатающийся в патриотических российских изданиях («День», «Завтра», «Советская Россия», «Правда», «Патриот» и др.), – по всему видать, человек ершистый, задиристый, «правдолюб», обличитель и разоблачитель, яростный борец и дискусант-полемист с инакомыслящими, размахивает зубодробильной дубиной налево и направо. Он с саркастическим упоением развенчивает крупных, именитых политиков, писателей, поэтов, деятелей, культуры: Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварнадзе, Козырев, Швыдкой («карлики», «предатели», «сексоты»), Солженицын («антисоветчик № 1», «Архипелагщик», «Бронированный», «Громоздила»), Сорокин («Сороконожка», «корифей»), Сванидзе-Новодворская («Орда»), Путин («гипотетический читатель Фета», «ходец по ковровым дорожкам, ведущим в синагогу»), Грызлов («знаток марксизма»), Миронов («гениальный даже по внешнему облику»), В.Матвиенко («манекенщица»), Наталья Дмитриевна Солженицына («Мадам», «американская помещица», «американская Салтычиха»), Белла Ахмадулина («Одинокая Флейта», «страдалица», «Бедняжка», «Мэрилин Монро», «широко известная в узких кругах»), Аксенов («милый Вася», «профессор»), Евтушенко, Вознесенский, Битов, Искандер, Ерофеев, Зиновьев, Эльдар Рязанов («Эльдар Эльдоратович», «Эльдар Тартюфович»), Войнович, Слуцкий, Бортко, Пастернак, Жуховицкий, Булгаков, Бакланов, Сарнов, Струве, Моисеев, Чубайс, Кириенко, Лукин, Архипов, Бондарев... нет, остановлюсь, всех перечислить нет мочи, всем-всем достается от Бушина на орехи, всем выдает по первому числу, у всех находит такие грехи, что волосы дыбом, и такими ярлыками-прозвищами награждает своих оппонентов, что, читая, только рот разинешь. Хлестко, размашисто, безоглядно. И все-то он знает, со многими лично знаком, с одними учился в Литинституте, с другими на дружеской ноге. Он подробно расписывает, сколько было любовников и мужей у Лили Брик с 15-летнего возраста, сколько раз выходила замуж Белла Ахмадулина, от чьей жены к кому ушел Аксенов, сколько у кого разных грешков, кому когда сколько дали орденов, званий, премий и кто на сколько «тянет». И весь этот компромат он выливает на голову читателя ушатами, черпая его из известных источников и неизвестных досье. Тираж книги 4 тыс. Впечатление такое, что в российской политике, литературе, искусстве – сплошная грязь, гнусь, низость, фальшь, ложь, распутство, фарисейство, подлость, беспринципность, двурушничество, продажность, мразь, гадость.

На своем веку я убедился: человек – грешное существо; политики, писатели, деятели искусства – далеко не ангелы; к большим личностям липнет много грязи.

но с какой стати Владимир Бушин взял на себя роль высшего судьи и главного обвинителя-прокурора, право судить-рядить всех подряд, неужели он считает себя единственным правдолюбом, защитником Советской власти, носителем сталинских идеалов, твердокаменным коммунистом и идейно стойким борцом за все святое на Руси.

Нужна ли такая книга? Нужно ли так раздевать, обнажать всех и вся? Не одно-сторонне ли все это? Не скользко ли?

Мне, например, тоже известны немалые слабости наших доморощенных политиков и писателей, среди которых вращаюсь долгие годы, однако я стараюсь больше говорить об их достойных человеческих качествах и заслугах, а не об их грешках – мнимых и явных, не о том, кто с кем, когда и как, каким образом и с какой целью. Если пойти исключительно по пути тотального разоблачения, то не мудрено и свихнуться. В поисках правды можно вляпаться в болото лжи. Разоблачительный пафос может очень легко увести со столбовой дороги бытия в дебри житейской возни. По-моему, Бушин и впал в этот грех.

* * *

Меткая фраза из романа И.Щеголихина «Не жалею, не зову, не плачу»: «Он всегда будет прав со своим враньем, а ты никогда со своей правдой».

Я подумал: «Так и большие политики. Они всегда правы со своим враньем, а простой люд со своей правдой никогда». Власть всегда врет напрапалую и непременно права.

* * *

В своих «Плетениях чепухи» я затрагиваю разные темы. В сущности, размышляю вслух с читателем о том, о сем. И мне нет дела до того, как читатель воспримет мои вольные строки.

Но есть темы, которые для меня «табу». Просто в силу моей некомпетентности. Ну, например:

Еврейский вопрос. Тут за многие века накручено, наворочено столько всякой всячины, что сам черт ногу сломит. Это такое болото, в котором можно увязнуть безнадежно. Лучше и разумней держаться от него подальше. Я лично предпочитаю открытую, широкую степь. Сами евреи ловко раздули этот вопрос до всепланетарного масштаба еще на тысячу лет вперед. Одно бесспорно: народ в основном даровитый, с ярко выраженными чертами. Вечно недовольный, ищущий, склонный к смуте, заварухе. Мой покойный друг, полуеврей, полунемец Морис Давидович Симашко (шикарный, замечу, писатель!) постоянно говорил мне: «У евреев все предельно заострено и гипертрофированно. Все в высшей степени. Если он гениален, то всем гениям гений. Если дурак, то такой, какого свет не видывал. Если подлец, то высшей марки. Если жмот, то больше такого нигде не сыщешь».

Не знаю. Может, мудрый Морис был и прав. Те евреи, с которыми я был знаком (в основном литераторы, ученые), были симпатичными людьми. Я, однако, на эту тему не говорю и не пишу. А читал много.

Казахские ру – роды-племена. Читал: казахи состоят из 43 родов. Знаю: я по географической среде близок к аргынцам. «Своим» родом называю в шутку «атыгай». Все остальное в родовом вопросе – не моего ума дело. В казахском

родословном – шежире (их столько!) – разобраться не в силах, хотя пытался. Друг, земляк, поэт Еслям Зикибаев (тоже ныне обитает в иных пределах) постоянно внушал мне: «Не лезь в казахские дела. Опростоволосишься! Казахи сами с собой не разберутся. Обойдутся без тебя». На склоне лет убедился: абсолютно прав был друг Еслям!

Всемирный экономический кризис. Читаю по этому поводу много. А ясности нет. И политики, и экономисты только пудрят мозги. Недавно муфтий объявил что кризис – божье испытание. По-другому, видно, не объяснить. Политики договорились до того, что кризис – благо. Непонятно, почему они раньше это благо не организовали. Ну, политики могут объяснить, что угодно: язык у них до колен. У меня же ощущение такое, что откуда-то гнилой ветер дует. Кто-то сознательно затеял эту пакость. Кому-то это на руку. Кто-то на этой беде наживается. Доверчивый народ как всегда дурят и грабят. Толкуют, что кризис на полгода, год или два. Ох, врут! Напропалую. Не моргнув. Чует мое сердце: каша заварена надолго. Расхлебывать ее будет, конечно, бишара. Пока не обчистят карманы и пазухи всех лохов, олухов и обалдуев. К моему 60-летию меня в одночасье лишили всех моих накоплений, заработанных тяжким литературным трудом на старость. На пенсию ушел на нулевой отметке. Теперь, когда я приближаюсь к 75-ти, у меня тихой сапой, будто тать в ночи, экспроприировали четверть моих несчастных тенге. Тем самым отняв у меня возможность издать пару-другую моих рукописей к своему юбилею. А врали – ойдойт! Кризиса нет, инфляции нет, девальвации нет, сигнализации нет, всё керемет, сплошной керемет. «Икс, игрек, зет, менен аулак кет!» И мы слушаем и хлопаем ушами.

Финансовая политика. Тут я полный профан. Ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Статью нашего Президента «Ключи от кризиса» я уразуметь не в силах. Прочел было казахский перевод – и вовсе очумел: жуткий койыртпақ. Видно, переводчики тоже ничего не поняли. Немецкого перевода не нашел: должно быть немцы никак не могут взять в толк что к чему. Может, во всех предложениях нашего Елбасы и присутствует некий расчет и здравый смысл, но, на мой взгляд, больше из области фантастики. Верю: намерение доброе, посыл благородный, а с реальностью связать эту идею не могу. А вот локальная валюта для Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркестана, Азербайджана – нечто более конкретное, хотя, зная ментальность среднеазиатских ханов и беков, меня тоже одолевают сомнения. Идея о Среднеазиатском Союзе (наподобие Евросоюза) хороша и желанна. Может, экономический кризис заставит объединиться в такой Союз. Мне в том видится перспектива.

Впрочем, рассуждать на эту тему далее не буду, дабы не обнаружить всецело свою благоглупость.

Конфессиональные проблемы. Я вообще-то воспитан в духе атеизма. В шутку говорю, что вероисповедание мое – лютерманство. «Да вроде нет такой веры», – сказал, подумав, один православный священнослужитель. Я расшифровал: «Лютерманин – значит лютеранин-мусульманин». Религию воспринимаю не как опиум для народа, как последнее, по Марксу, его утешение в жестоком мире, а как мощную отрасль, древнюю ветвь человеческой культуры. Под этим углом воспринимаю и «Библию», и «Коран». Но в детали не лезу, в дискуссии не ввязываюсь, ибо представления и познания мои в вопросах религии слишком поверхностны.

Разные форумы. Очень много громоздких, емких, затратных и малозначительных форумов мы проводим. Сколько таких явно показушных форумов (женский, медиа, профессиональный, политический – всех не упомяну) с приглашением сотни именитых и не очень гостей из разных стран мы затеяли только в этом году! А бьем в колокола: кризис! Что-то урезаем. Народ призываем затягивать пояса. Меры принимаем. Специалистов переобучаем. А тут форум за форумом, той-думан, ат-чапан, «Круглые столы», пыль столбом... Конечно, не моего ума дело. Ты пенсионер? «аль-Дивани»? Ну, и не высовывайся. Я и не высовываюсь. Только делюсь своим недоумением.

Разумеется, этим не ограничиваются табуированные для меня темы. Их наверняка наберутся десятки. Я решил только пунктирно наметить те, о которых говорить считаю себя не вправе.

* * *

Газет и журналов ныне – пруд-пруди. Многие писатели и журналисты издают едва ли не свои персональные издания. Если бы у меня было здоровье и – главное – деньги, я бы издал журнал под названием «Глас вопиющего в пустыне». В Казахстане, мне кажется, очень не хватает такого издания. В сущности, то, о чем пишут ныне многие публицисты (и я в том числе) – не что иное, как глас вопиющего в пустыне. Как у Абая: «Жартаска бардым, күнде айқай салдым»...

* * *

Эта тема – продуктивность писательского труда – постоянно привлекает мое внимание. Мало должен писать писатель или много? Что значит продуктивность, плодовитость? Грибоедов написал одну драму – «Горе от ума» – и прославился на века. Гете написал более ста томов, и, конечно, писатель продуктивный. Все, что написал Абай, вмещается в один том. А по творческому заряду он тоже продуктивен. У него словам тесно, а мыслям просторно. Когда говорим о плодовых писателях, на ум сразу приходят Александр Дюма-старший, Оноре де Бальзак, Чарльз Диккенс, Эмиль Золя, Лев Толстой, Агата Кристи. Они создали много-томники, а по тиражам – многомиллионники. Примеров много.

Из казахских писателей кто плодит? Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов. Из современников моих по 15-20 томов «накатали» Кадыр Мырза-Али, Дукенбай Досжан, Абиш Кекилбай, Мухтар Магауин, Софы Сматай, Кабдеш Жумадил... Кто ещё? Может, не все их творения достойны внимания, но то, что они трудяги – бесспорно.

Неплохо потрудился на ниве писательства и Абдиджамил Нурпеисов. По объему написал он за долгую творческую жизнь немного – семь-восемь томов. Но если учесть, что свои трилогию и диологию он переписывал – правил – совершенствовал – редактировал – добавлял – сокращал – муржил более шести десятков лет, то белоручкой его тоже не назовешь.

Выходит, в творчестве все относительно, и количество сотворенного еще не главный показатель.

Передо мной лежит последняя (на сегодняшний день) книга моего давнего друга Дукенбая Досжана «Когда я умирал» (Астана, «Фолиант», 2009). Автор обозначил свои параметры: из-под пера писателя вышли 11 романов, 322 повести, свыше 1000 рассказов. Книг его вышло на разных языках около 100. Общий тираж его изданных книг – 3,7 миллионов.

Достойные показатели, ничего не скажешь! А вот русскоязычный азербайджанец Чингиз Абдуллаев, который недавно отметил свое 50-летие (см. «Лит. газета», № 16, апрель 2009 г.) в московском издательстве «Эксмо» издает собрание сочинений в ... 150 томах (34 тома уже увидели свет). Другое московское издательство – «АСТ» – издало его 70-томник. Что тут скажешь? Только рот разинешь от удивления. Он написал 100 романов и повестей и намерен догнать Жоржа Сименона, написавшего, как известно, 300 (!) романов. «У меня уже более 1000 (тысяча!) книг, изданных на 27 языках мира, – говорит Чингиз Абдуллаев. – Тираж 23 млн. 700 тысяч экземпляров». Значит, его читают, на него есть спрос, он лауреат многих иностранных премий. В интервью «ЛГ» он приводит фразу Ан. Рыбакова: «Чтобы написать – нужно писать».

Такую продуктивность, плодovitость Чингиз Абдуллаев считает нормальной. Если ежедневно писать по 10-20-30 страниц, сколько же получится за год?

А мне в этой связи вспоминается классик казахской литературы, стилист-эстет Габит Мусрепов. Я немного общался с ним, переводил кое-какие его вещи, бывал у него дома. Он подолгу, не торопясь, искусно, умело натачивал перочинным ножиком и бритвами карандаши, медленно, со вкусом выводил на бумаге обдуманную фразу, вглядывался в нее, резинкой стирал неудачное, на его взгляд, слово, вписывал в это место другое, опять стирал, опять вписывал и, ювелирно отделав фразу, приступал к следующему предложению. В дневниковых записях он замечает, что за весь день написал таким образом неполную страничку, в которой последние два предложения, по его мнению, вышли не совсем удачно.

Работая бок о бок сорок лет с А. Нурпеисовым, я видел, как мучительно строил он слово за словом свои строки. А уж переписывание было его неистребимой страстью. Он всегда больше переписывал, чем писал. И, раздраженный этой его манерой, я порой язвил: «Вы улучшаете в сторону ухудшения». После тринадцатого, кажется, переиздания трилогии «Кровь и пот» он, в сотенный раз перечитывая свое любимое творение, приговаривал: «Эх, если бы это основательно отредактировать, получилось бы великолепное произведение».

Да, разные писатели работают по-разному. Один за всю жизнь написал одну-единственную «Марсельезу», другой в 50 лет выдает на гора собрание сочинений в 150 томов.

* * *

Об Ауэзове сотни казахов написали пухлые книги, защитили уйму диссертаций, накропали тысячи статей.

А книгу об Ауэзове для серии ЖЗЛ создал Николай Анастасьев, литературовед-американист.

Об Абае казахи сочинили сотни книг, защитили горы диссертаций, нашкрябали Монблан статей, отхватили уйму государственных премий.

А книгу об Абае для серии ЖЗЛ написал тот же Анастасьев.

И где же казахи? Намыс кайда, ойбай?! Что-то не так, милые мои.

* * *

Когда я читаю казахских прозаиков, я мгновенно улавливаю: этому знакомы аульные запахи, у него есть национальные корни, он владеет незамутненным народным языком, он знает, почему фунт лиха, да ему просто есть что сказать; а вот

этот, сразу видно, городской казах, на асфальте вырос, ему чужд запах кизяка, очага, бурдюка; он пил кефир, а не перекишенный шалап, он книжник, корни его неглубоки, он склонен выражаться русским воляпюком, в нем много наносного, искусственного, он больше пользуется отраженным светом, он почти во всем «шала». Конечно, это не совсем его вина. Так сложилось. Так получилось. Он тоже способен, даже талантлив, но питается он не природными соками, а ... даже не знаю, чем.

Вот «Петр Первый» графа Алексея Толстого. Проза кудесника. Проза волшебника. Откуда столь магическое знание русской простонародной жизни? Уж какой чародей, маг русской словесности Иван Бунин, и тот, прочитав «Петра Первого», тотчас в восхищении откликнулся открыткой: «Алешка, хоть ты и сволочь, мать твою... но талантливый писатель. Продолжай в том же духе. Ив. Бунин».

А.Н.Толстой очень гордился таким отзывом старого приятеля, с которым у него разошлись пути-дорожки.

И вот на вопрос: «Откуда что взялось?» Алексей Николаевич отвечает:

«Каким образом люди далекой эпохи получились у меня живыми? Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей, – эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гаданья, сказки, лучину, овины, которые особенным образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву. Картины старой Москвы звучали во мне глубокими детскими воспоминаниями. И отсюда появлялось ощущение эпохи, ее вещественность». (Цитирую по книге: Бенедикт Сарнов, книга вторая, «Сталин и писатели», М., «Эксмо», 2008, стр. 125). Таковы и казахские прозаики Кекилбаев, Магауин, Алимкулов, О.Сарсенбаев, Жумадилов, Нурмаганбетов и многие другие, вышедшие из глубин национальной жизни.

Алексей Николаевич Толстой далее уточняет: «национальное искусство – именно в этом, в запахах родной земли, в родном языке, в котором слова как бы имеют двойной художественный смысл – и сегодняшней, и тот, впитанный с детских лет, эмоциональный, в словах, которые на вкус, на взгляд и на запах – родные». (стр. 126 указанной выше книги).

* * *

Давний знакомый Мэлис охотно и часто прибегает к казахскому слову: «Әрине» («Конечно», или – по-немецки – «Natürlich»). И, сказав «әрине», лукаво добавляет: «Родионовна», напомнив таким образом о няне Пушкина.

* * *

Писатель и драматург Дулат Исабеков, будучи в Сеуле, пришел к выводу, что 60-миллионным корейцам нужно все национальное, 1,5-миллиардным китайцам нужно все национальное, а 8-миллионные казахи исповедуют исключительно «общепланетарное» и «всечеловеческое».

Тонкое и саркастическое наблюдение.

И еще он заметил (см. «Жас алаш» от 9.07.09), что казахский язык наших стюардов и стюардесс похож на изодранную, изжеванную собаками шкуру.

Метко!

Запомнилось еще одно замечание: в Южной Корее с коррупцией совсем не борются, как у нас. Там коррупционеров либо расстреливают, либо они сами бро-

саются с утесов. Иначе говоря, смерть предпочтительнее национального позора. Наши доморощенные коррупционеры, прихватив миллиарды, запросто удирают за границу, а потом, когда они там благополучно устраиваются, наши бдительные органы начинают бить в колокола и их разыскивают. Верно! Так оно и есть.

* * *

...Я ее хорошо помню. Храню многие ее книжки – поэтические и прозаические – подписанные ею. Мне нравились (нравятся) ее стихи – ясные, искренние, исповедальные, жизнестойкие, опрятные. Как она сама. Разумеется, я кое-что знал о ее трудной судьбе, испытаниях и лишениях, но производила она неизменно впечатление благополучного, счастливого человека. Улыбчивая, общительная, доброжелательная, всегда изящно, со вкусом одетая, что называется, «упакованная», аккуратно причесанная, при разных украшениях, вся утонченная. К ней – я это замечал – охотно льнули поэтессы и литдамы Союза писателей Казахстана.

Родилась она в Москве. Сорок лет ее жизни связаны с Казахстаном. Все изведала: расстрел отца, арест матери, время сталинщины, «любовь и обман», штрафную роту в войну, каторгу Степлага, желанную волю, радость творчества, признание читателей, уважение коллег.

Темы своего творчества она сама четко определила:

О Времени,
О Жизни,
О Судьбе...

И о том можно из ее книжек подобрать массу стихотворных строк. Соблазн велик, но я этого делать не буду. Это блистательно сделала ее давняя, добрая подруга Тамара Яковлевна Шайкевич-Ильина в своей книжке «Руфь – поэт и судьба» (Алматы, 2009).

Эту пышноволосую, стройную, подтянутую женщину знакомые литераторы называли между собой просто «Руфь», «Руфа». Я же называл ее только Руфь Мееровна.

Руфь Мееровна Тамарина. Она была приятна и в общении.

Кажется, в 1995 году она собралась покинуть Алма-Ату, которую очень любила. «Уезжаю в Томск, к сыну», – сказала она с грустью. Однажды она попросила меня организовать встречу с Абишем Кекилбаевым, тогда Председателем Верховного Совета Казахстана. Я тогда был депутатом XIII созыва. Пригласил Руфь Мееровну в Парламент, она простилась с Абишем, которого высоко почитала как прозаика, попросила надписать его роман «Конец легенды». Простились тепло и, как оказалось, навсегда. Доходили скучные сведения: живет одиноко, одолевают недуги, тоскует по Алма-Ате, по друзьям, знакомым, выпустила в России две или три книжки. А потом, совсем недавно, в 2005 году, узнал, что Руфь Мееровна скончалась в возрасте 84-х лет. Последние годы жизни были безрадостными. Шайкевич-Ильина приводит в своей книжке датированные 2002-м годом стихи Руфи Тамариной:

...Но я прошу у провиденья:
Будь милосердным, оглуши
Сном беспробудным в то мгновенье,
Когда замрет полет души.

Небольшая по объему и ограниченная тиражом книжка Т.Я.Шайкевич-Ильиной вобрала в себя все этапы непростой жизни, все хождения по мукам прекрасного поэта и человека Руфи Мееровны Тамариной. Автор выполнил свой человеческий долг перед памятью Поэта и его Судьбой.

Книге предпослана цитата из Библии (Книга Руфь, глава 3):

«...у всех ворот народа моего знают, что ты женщина добродетельная».

Библейские эти слова точно подчеркивают достоинство памятного поэта Руфи Тамариной.

* * *

Должно быть, мое признание многих удивит, однако, это так: все творчество Бориса Пастернака мне чуждо. Если скажут, что это моя беда, свидетельствующая о моей эстетической ущербности, я в бутылку не полезу и ни с кем спорить не стану. Более того, соглашусь, что это именно так. Не дорос, значит. Недоступен мне его художественный уровень.

Поэзия его меня не трогает, а проза и вовсе отвращает.

Будучи в Москве еще в 80-х годах я приобрел изящно изданный том его прозы разных лет под названием «Воздушные пути». С предисловием академика Д.С.Лихачева. С комментариями С.С.Гричишкина и А.В. Лаврова. Составлен однотомник продуманно, со вкусом. В него вошли «Охранная грамота», «Детство Люверс», ряд рассказов, эссе «Генрих Клейст», «Поль-Мари Верлен», «Шопен», «Николай Бараташвили», «Замечания к переводам Шекспира».

Все это я читал – не раз, через силу, преодолевая себя. В разные годы. В разную погоду. При разном состоянии души.

Нет. Убейте меня. Остаюсь равнодушным.

О, а сколько было шума вокруг «Доктора Живаго»... Как я ждал, когда Нурпеисов привезет желанный том из Парижа! Потом роман стал доступен. Его даже включили в школьную программу. И жена, преподаватель русской литературы прочитала его раза три. И столько же раз смотрела фильм. Я же не мог одолеть роман, как ни старался. Казалось: что-то мертвое, надуманное, заумное, вымученное, болезненное. И фильм меня не увлек. Ходульные образы с претензией. Видения стороннего человека, который любит, главным образом, только себя.

Решил: ладно. Не буду мучиться. Нечто не соприродное. Душа не приемлет. Бывает. Да простят меня поклонники Бориса Леонидовича.

И переводчик Пастернак мне чужд. В его переводе «Фауста» Гете маловато, а Пастернака явно многовато. К этому выводу я пришел, долго сравнивая, сопоставляя оригинал с переводами Холодковского и с еще дюжиной старых и новых переводов. Пастернак все время выпячивает себя. Дескать, смотрите, как я русским словами верчу-кручу, как я наизнанку выворачиваю хваленного Гете, как у меня выходит все туманно-заумно, как грациозно-артистично. Ну, смотрите, смотрите, какой я гениальный, всех за пояс заткнул! Я ваших шекспиров, гете запросто сделаю одной левой.

Такой стиль, такая манера переводчика-обработчика. Это и не перевод вовсе, а изыск, экзерсис, вышивание собственных узоров, самолюбование, снобизм.

Цитировать Шекспира, Гёте в переводе Б.Пастернака я избегаю. В таком примерно ключе переводил Джамбула Павел Кузнецов, который казахского акына представлял таким, какого в природе не существовало.

Возле памятника погруженного в вековые думы Чокана мы уже многие годы прогуливаемся и подолгу беседуем с профессором консерватории, Народным артистом СССР, хоровым дирижером Анатолием Васильевичем Молодовым. Он серьезный читатель. Читает и перечитывает исключительно классиков мировой литературы. Великолепный слух, тонкий вкус, чутко к нюансам художественного текста. Недавно он заново читал «Фауста» в русском переводе. Потом принялся за Шекспира. И, встретив меня на прогулке, озабоченно поделился своим открытием: и «Фауст», и драмы Шекспира звучат в одной тональности: один стиль, один ритм, схожая лексика. Что такое? Почему так? Неужели Гете целиком вышел из Шекспира? Я посоветовал обратить внимание на переводчика. Так и есть: и Гёте, и Шекспира перевел на русский язык один человек – Борис Пастернак. Вот где собака-то зарыта! И Гете, и Шекспир насильственно втиснуты в колоду Пастернака. Иначе говоря, Пастернак перетянул одеяло гениев на себя.

У Молодова пропал интерес читать Шекспира.

А что мне лично понравилось в названной выше книге «Воздушные пути»? Иллюстрации! Дивная серия рисунков академика живописи Л.О.Пастернака – отца поэта Бориса Пастернака. Вот эти рисунки – украшение тома прозы. Я их разглядывал подолгу. А проза Бориса Леонидовича, как это ни прискорбно, не по мне. Ее прелесть, – если она и имеется, – мне не по зубам.

* * *

В Государственном литературном музее в Москве (пишут газеты и показывают ТВ) открыта выставка «Памяти Александра Солженицына», приуроченная к годовщине его кончины. И что представлено в экспозиции?

234 (!) издания из собрания семьи Солженицыных, вышедшие на 34 (!) языках в более чем 70 (!) издательствах мира, фотографии, автографы и личные вещи писателя.

И вот в который раз я думаю: в Казахстане 700 членов Союза писателей. И хоть один из них разве способен на такую экспозицию? А ведь при этом наши доморожденные «классики» считают себя вполне серьезно и значительнее, и весомее Солженицына. Смешно!

Я понимаю: Солженицын допустил однажды досадный и нелепый ляп, высказавшись несправедливо о Казахстане. Отсюда и пошел сыр-бор. «Шовинист», «державник», «империалист», «колонист», ату его!

О немцах гадко и гнусно говорили в свое время Эренбург, Симонов, Шолохов, Федин. Можно припомнить и некоторых русских классиков XIX века. Означает ли это, что я, этнический немец, должен их всех презирать и ненавидеть? Никак нет! Я стараюсь их понять и воздать им по достоинству.

Деяния Солженицына поражают и восхищают. И вряд ли разумно упиваться давней обидой. Хотя известно: насильно мил не будешь.

* * *

Вспомнил вдруг сегодня: жили-были сравнительно не так давно философ Михаил Лившиц и литературовед-критик Александр Дымшиц. Последний одно время возглавлял Комиссию по советско-немецкой литературе при Союзе писателей СССР. Я был членом комиссии и, понятно, в какой-то мере общался с профессором Дымшицем. Должен, однако, сказать, что о литературе российских

немцев он имел весьма поверхностное представление, что его в общем-то ничуть не смущало.

В «Вопросах философии», «Вопросах истории» и «Вопросах литературы» Лифшиц и Дымшиц вели нескончаемую полемику о марксизме, о философских проблемах, о литературе и искусстве, об обществоведении. Спорили увлеченно, лихо, отчаянно, не щадя друг друга, азартно – пыль столбом. Читал одну статью – Лифшиц прав. Читал другую – Дымшиц прав. Я по наивности восхищался какие, однако, принципиальные, какие эрудированные, с каким темпераментом отстаивают свою правоту и как беспощадно друг друга разоблачают! Должно быть, враждуют не на жизнь, а насмерть.

И вот в 70-х, кажется, годах, будучи в Москве, захожу в ресторан ЦДЛ (Центральный Дом литераторов) и вижу за столиком мирно беседующих Лифшица и Дымшица. Попивают вино. Чокаются. Закусывают. Посмеиваются. Усмехаются. Поглядывают по сторонам. Наслаждаются приятельской беседой. Не дискутанты-дуэлянты, а друзья – не разлей вода.

Они что, публику дурачат? Пыль в глаза пускают? Эффект производят? Друг друга пиарят? Неужто весь их спор, все их идейные принципы – чистый спектакль? Игра в поддавки? Поделился впечатлением с москвичами – завсегдатаями ЦДЛ. Они усмехнулись. «Не знаешь, для чего это делается? Прием! Весь их спор для лохов».

Открытие меня ошеломило. И я не мог больше читать ни Лифшица, ни Дымшица.

* * *

По части издания книг в Казахстане жаловаться грешно. И издательств прорва, и книг горы, что лепешек на ташкентских базарах. Но закон диалектики в культуре не работает: количество никак не переходит в качество. Многие десятилетия назад читавший нам лекции в пединституте Давид Николаевич Николитч (и человек прекрасный, и лектор отменный!) говаривал: «Общество устало от бесконечных собраний и плохих книг». Ныне и того, и другого стало еще больше.

* * *

Примерно с 7 до 12 лет самой любимой моей книжкой с диковинными иллюстрациями была «Синопа, маленький индеец». Я ее зачитывал до дыр. Возможно, она еще сохранилась в книжных завалах отцовской библиотеки в Ташкенте. Я, очутившийся с Волги в казахском ауле на берегу Есиля, и сам чувствовал себя Синопой. Автора запомнил: Джеймс Шульц. Никакие другие сведения об этом писателе мне не попадались. Теперь только узнал: он родился 150 лет тому назад. Полное его имя: Джеймс Уиллард Шульц (1859-1947). Жил с индейцами. Был женат на индейской девушке. Автор сорока романов и повестей о жизни индейцев: «Моя жизнь среди индейцев», «Синопа, маленький индеец», «Глашатай бизонов», «Ошибка Одинокого Бизона», «Ловец орлов», «Сын племени навахов». Предмет описания знал он основательно.

* * *

Умел Солженицын выражаться крепко и точно. Свое отношение к нуворишам, скоробогатям выразил так: «зверское племя алчных грязнохватов». Их и в Казахстане табун. И они хотят, чтобы наемные писатели-бишара их облагораживали.

* * *

Приверженцы «художественного» перевода, расцветивая, украшая оригинал, как правило, прибегают к разного рода отсебятинам. Это и понятно. Языком оригинала они не владеют, автора не слышат, руководствуются подстрочником-глиной, вот и приходится прибегать к аранжировке, к транскрипциям, к экспрессивным украшениям, к прорисовке, к интерпретациям.

И получается в результате вот что. Роман казахского классика составляет по объему 26 печатных листов. После «художественной» обработки он «опух-распух» до 29 печатных листов. И это при том, что русский синтаксический строй более лапидарен, мускулист, словесно сжат. Значит, в данном конкретном случае три печатных листа – чистое украшение, дополнение обработчика, который, по его убеждению, переводит чувства чувствами. (Вспоминается казус с переводом одной книжки вьетнамского писателя через русский язык на казахский. В русском переводе книжка тянет на 12 п.л., на казахском после художественной обработки она выросла до 22 п.л.).

Теперь вообразите: дотошный и аккуратный немец переводит выше упомянутый казахский роман не с оригинала, а с «украшенного» русского перевода. И за счет сложного немецкого синтаксиса, составных глагольных форм, партицип-айн и партицип-цвай, артиклей «der, die, das» немецкий перевод отяжелеет минимум на три листа. А если, допустим, и немецкий переводчик начнет украшать, дополнять, аранжировать? О, тогда роман вырастет до 33-35 печатных листов. Теперь турок будет этот роман переводить с немецкого. Такая практика существует (Одно время турки вознамерились переводить «Кровь и пот» А.Нурпеисова не с казахского, не с русского, а именно с немецкого и выпросили у меня немецкое издание нурпеисовской трилогии). Ведь и турок не удержится от соблазна-искушения добавить от себя в добрых целях еще два-три листа. Ну, и на сколько отойдут эти с позволения сказать переводы от оригинала?!

Вспоминается история перевода «Ночной песни странника» Гете. Кто-то перевел эту миниатюру на французский язык, добавив, понятно, кое-какие детали, нюансы, колорит. С французского эту изящную миниатюру перевел некий японец, тоже «усовершенствовав» ее на свой лад. Потом с японского перевел китаец, также интерпретируя по-своему. О Гете, разумеется, уже никто и не вспоминал. Потом кто-то из немцев решил, что эти дивные строки – древнекитайский шедевр XIII века, и перевел, транскрибируя, на немецкий. Конечно, от «Ночной песни странника» не осталось ни одного слова, настолько результаты пресловутой «художественной» обработки дистанцировались от пратекста.

Вот почему, убежден я, переводить надо только с оригинала, с языка на язык, адекватно, а не заниматься украшательством, вышивкой, отсебятиной.

Наглядно можно это объяснить таким образом. Допустим, в оригинале сказано: «Я пришел». Ну, раз сказано только это, я, к примеру, склонен так и переводить на другой язык: «Я пришел». Переводчику, не владеющему языком оригинала, это показалось куцо и банально, и он пишет: «Я пришел к тебе». С этого языка переводит следующий. Ему это тоже почудилось невнятно. И он пишет: «Я пришел к тебе с приветом». Следующему переводчику и это показалось недостаточно. И поскольку он мнит себя художником, он присочиняет: «Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце встало». И кое-кто в восторге. Как здорово! Как красиво! Поэтично! Да-а... Но в оригинале стояло: «Я пришел». И как быть?

* * *

Уговорили меня составить еще один сборник произведений Абая на русском языке. Выяснилось: на своем веку написал о творчестве Абая четыре книжки и составил семь сборников. Пришел к выводу: не надо Абая переводить. Он настолько национален, что переводить его на другие языки бессмысленно. Можно в частности приблизиться, но не более. Лет пятнадцать назад я написал статью: «Почему трудно переводить Абая?» Она опубликована раз десять. Теперь я бы назвал ее иначе: «Почему невозможно переводить Абая?». Прибегнул я при составлении к давней уловке: к каждому стихотворению Абая подобрал несколько переводов разных авторов. Может, таким образом коллективным способом достигается постижение его? Не знаю. Составить-то книгу составил, но удовлетворения нет.

* * *

Наверное, наступило время, когда мононациональное общество, монокультура, моноязычие – едва ли не нонсенс. В Германии (1998 год) на кафедрах общего языкознания, германской филологии и тюркологии двух университетов я встречал евреев, хорватов, турков, араба, эфиопа и т.д. Все они отменно шпрехали по-немецки и являлись специалистами по германистике. Нечто похожее я видел и в Институте восточных языков в Париже еще в 1988 году. Для Европы, видимо, это характерное явление. В Германии, мне известно, немало немецких поэтов и прозаиков турецкого происхождения. И вот попалась мне на глаза статья в «ЛГ» (№ 39 от 08.09.09) директора Французской библиотеки – Музея французской цивилизации Российского государственного социального университета, переводчика, знатока французской литературы Валерия Никитина, и в этой обширной статье зацепил мое внимание вот этот абзац:

«Расширение ареала французской литературы происходит прежде всего за счет бывших колоний. Все больше заявляют о себе выходцы из стран Магриба и из тропической Африки. Могу назвать, к примеру, имена сенегальца Леопольда Седара Сенгора, ставшего членом Французской академии, и алжирки Аси Джебар, также являющейся членом академии. Но на французском начинают писать и выходцы из стран, где он никогда не был официальным языком. Например, недавно был избран во Французскую академию китаец Франсуа Чен. Успешно трудятся на ниве французской словесности хорват Патрик Бессен, чех Милан Кундер, грек Василис Алексакис, кубинец Эдуардо Мане, ливанец Аман Маалуф, испанец Мишель дель Кастильо. А Сиорана, родившегося в Румынии, признали лучшим стилистом во французской литературе XX века. Много выходцев из Египта: Альбер Коссери, Андре Шедид, Ясмин Хаат. Я уж не говорю о бельгийцах Маргерит Юрсенар, Жорже Сименоне, Фелисьене Марсо, Амели Номомб и многих других, о швейцарцах, о канадцах из Квебека. Правда любопытно?

В ареале русской литературы успешно творят не только русские, но и евреи, украинцы, белорусы, молдаване, якуты, чукчи, татары, киргизы, азербайджанцы, чеченцы, казахи, грузины, абхазцы, таджики, немцы... всех не перечислишь.

Нормальное явление. Нормальный процесс. Взаимовлияние, взаимопроникновение, взаимодействие, взаимообогащение.

А какова доля инонационального элемента в «чисто» казахской литературе? Почти никакой. Близка к нулю. Я помню одного рано умершего чеченца (имя в

момент запомнил), писавшего рассказы по-казахски. Русская Надежда Лушниковая, как известно, пишет стихи на казахском языке. На казахском же писал татарин Гумаров. Азербайджанка Асылы Омарова, немец Г.Бельгер, двое-трое уйгуров нередко пишут по-казахски. И, пожалуй, все. Сугубо спорадическое явление. Конечно, погоды в казахской литературе они не делают. Допускаю, что в далеком будущем в казахскую (не казахстанскую) литературу вольются инациональные литераторы, творящие на казахском языке. Но это случится лишь в том случае, если казахский язык действительно станет государственным языком. И, вполне возможно, что иноязычный элемент окажет на казахскую национальную литературу благотворное влияние. Пока, понимаю, это звучит *fantastisch*.

* * *

Абай, как известно, призывал к пяти добродетелям и отвращал от пяти нравственных изъянов. («Бес нәрседен қашық бол, бес нәрседен асық бол, адам болам десеңіз»). Какие же это пять «нәрсе»? В русском переводе Марии Петровых это поучение звучит так:

– Чтоб человеком ты был,
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Веселье и мотовство –
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта
Доверься – не подведут.

Нечто подобное встречается в учении Конфуция: «восемь почитаемых и восемь презираемых». И какие же это восемь?

Почитаемые:

- любовь к родине
- служение народу
- стремление к науке
- трудолюбие
- взаимопомощь и единение
- честность
- настойчивость
- соблюдение законов

Презираемые:

- нанесение ущерба Родине
- измена народу
- невежество
- лень
- эгоизм
- нечестность
- жизнь в свое удовольствие

– нарушение законов.

Этими постулатами китайцы руководствуются и поныне.

А абаевские нравственные критерии и поныне плохо внедряются в казахское сознание.

* * *

У кого-то мне приходилось читать такую мысль: если бы Ленин не был политиком, он мог бы стать хорошим писателем. Я в студенческие и аспирантские годы много читал и конспектировал Ленина и вполне с этим мнением согласен. Публицист и полемист он яркий. И описывает хорошо, и характеристики дает меткие, и со стилистикой в ладу. Еще школьником я прочитал его зарисовки «Как чуть не потухла «Искра». Истинно художественное произведение: все есть – и коллизия, и интрига, и сюжет, и язык. Великолепно! А какие меткие, острые, сочные и точные дает характеристики своим соратникам! Убийственные! Тому свидетельствуют многие хрестоматийные записки, выступления письма.

Вот в июне 1918 года в Берн едут его делегаты, и Ленин посчитал нужным предупредить своего представителя А.А.Иоффе:

«Едут к Вам Сокольников и Бухарин, а кажись, и Ларин (!). Пользуюсь случаем, чтобы Вас несколько предупредить. Бухарин лоялен, но зарвался в «левоглулизм» до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин – мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте начеку со всеми этими премилыми и прекрасными делегатами» (см. книгу А.Г.Ушакова «Тайная жизнь тиранов», стр. 215).

А мне подумалось: и нашему Лидеру, чай, не помешало бы предупредительно направлять подобные записки в пункт назначения, куда едут его верноподданные соратники-жандайшапы во избежание разных благоглупостей.

* * *

Живет в Казахстане, в Алматы, знатный, почтенный (ему ныне за девяносто лет) аксакал по имени Жагда Бабалькулы. Многоопытный общественный деятель, глубокий знаток казахского языка, истории, национальной культуры, ментальности, этнографии, шежире народов Западной Азии. Я его статьи, интервью всегда читаю с интересом, с любопытством. В газете «Туркестан» (17.09.09) опубликовано его пространное интервью. Считаю целесообразным ознакомить русскоязычного читателя с некоторыми положениями его рассуждений. Вот они в моей вольной передаче.

У нас о языке никто не думает, не печется. Все понимают: отомрет язык – исчезнет народ. Китайцы занимаются сбором своего языкового фонда 2300 лет. По тайваньским данным 1968 года они собрали 500 000 корневых слов. Англичане 240 тысяч. Литовцы за сто лет зафиксировали 4 миллиона корневых и производных слов. Казахи занимаются сбором языкового фонда с 1937 года. Но слова они черпают из произведений писателей. Неправильный подход. Сбирать надо из уст народа. Разнообразным богатством казахского языка наиболее глубоко овладел Мухтар Ауэзов. И то его лексический состав исчисляется менее 20 тысячами слов. Словарный запас большинства казахских писателей ограничивается 10-15 тыс. слов. Некоторые пишут рассказы, обходясь одной-двумя тысячами слов. Каков словарный фонд казахского языка? Никто не знает. У кочевых казахов, полагаю,

он составлял миллионов пять. Столько же у оседлых. Чтобы все это изучить, необходима Академия казахского языка. Представьте – об одной только еде я накопил 1500 слов. По теме национальных спортивных игр 300 слов. По человеческим отношениям и людскому характеру собрал более 5-6 тысяч слов. Этот океан не изучен. Только по форме шитья существует 76 наименований...

Таковы некоторые извлечения из интервью языковедца Жагды Бабалькулы.

Увы, я не вижу, чтобы кто-то к этим данным проявлял интерес. У нас уже 20 лет на всех перекрестках шумят бестолково о государственном языке, но собственную арбу с места едва сдвинули, продолжают калякать по-русски.

* * *

Многие годы моей жизни пришлось на время, когда все русское было хорошо – «зер, зер гут», а все немецкое – плохо, «мизерабель швах». Уже из этого можно сделать некоторые выводы.

Евгений Александрович Евтушенко в своем «Волчьем паспорте» пишет: «Во время войны, как множество советских детей я, конечно же, ненавидел немцев, однако моя не совсем благозвучная фамилия «Гангнус» порождала не только шутки, но и немало недобрых подозрений, не немец ли я сам. Эту фамилию я считал латышской, поскольку дедушка родился в Латвии. После того, как учительница физкультуры на станции Зима посоветовала другим детям не дружить со мной, потому что я немец, моя бабушка Мария Иосифовна переменяла мне отцовскую фамилию на материнскую, заодно изменив мне и год рождения с 1932 на 1933, чтобы в сорок четвертом я мог вернуться из эвакуации в Москву без пропуска.

Ни за границей, ни в СССР я ни разу не встречал фамилии «Гангнус». Кроме отца, ее носили только мои братья по отцу – Саша и Володя.

Однако в 1985 году в Дюссельдорфе, после моего поэтического вечера ко мне подошел человек с рулоном плотной бумаги и, ошарашив меня, с улыбкой сказал: «Я прочел вашу поэму «Мама и нейтронная бомба»... Вы знаете, учительница физкультуры на станции Зима была недалеко от истины. Разрешите представиться – преподаватель географии и латыни дортмундской гимназии, ваш родственник – Густав Гангнус».

Далее подробно раскрывается родословная Евтушенко. А я замечу, что на московских съездах российских немцев, ратовавших за восстановление автономии на Волге, я встретил одного из братьев Евгения Александровича – только не помню, Александра или Владимира. Помню только, что он работал редактором издательства «Советский писатель». Значит, движение российских немцев за государственность было ему не чуждо.

Это я к тому, что подобных русско-немецких переплетений судеб в истории тьмы-тьмушая. Но обнажать свои немецкие корни в Советском Союзе – особенно в сталинское и постсталинское время – часто граничило с безрассудством и бедой.

Давний знакомец, алмаатинец Арвед Люц вспоминает рассказ своей тетушки. Она в 50-ые годы прошлого века преподавала в школе немецкий язык. Однажды ученик 5-го класса спросил ее:

– Почему вы, Эмма Георгиевна, так хорошо говорите по-немецки?

– Потому, что я – немка.

Ученик сделал круглые глаза.

– Как?! Не может быть! У немцев на голове рожки и рыла свиные.

– Откуда ты взял?

– В кино видел.

Тот же вопрос задал учительнице и ученик 7-го класса, и когда она подтвердила свою национальность, сказал очень серьезно:

– Я вас очень прошу: не говорите об этом никому.

– Почему?

– Потому, что быть немцем – это ужасно!

Многолетняя тотальная программа ненависти сработала безотказно. Русский писатель и философ В.В.Розанов утверждал, что немцы вообще не люди (исключение он делал лишь для одного Гёте). И Илья Эренбург истошно, истерично призывал: «Убей немца!» Конечно, все можно объяснить, все можно оправдать. Но российским немцам, не имевшим никакого отношения к гитлеровскому фашизму, однако десятилетиями испытывавшим этот гнет ненависти, было оттого не легче. Но так было. Такие были нравы. И я жил в это время. И даже находился под комендатурой только за то, что родился немцем. И сочувствие находил, главным образом, у казахов. А реабилитацию получил в возрасте 60 лет, когда стал депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Я храню эту справку. И теперь кому-то хочется, чтобы я о том забыл? И неужели кто-то полагает, что немцы, эмигрировавшие в Германию, о всех этих «свинцовых мерзостях» напрочь забыли? Ну, а если вернуться к «Гангнусу», то он стал всемирно известным русским поэтом Евгением Евтушенко. Оба его деда – немец и белорус – были репрессированы в 1937 году. Отец Евгения Александровича – Александр Рудольфович был геологом, писал стихи. Еще в 1944 году расстался с первой семьей. Когда он работал начальником геологоразведочной экспедиции в Казахстане, к нему приехал исключенный из школы сын Евгений, и отец, тепло его приняв, твердо сказал: «Ну вот что... Если ты действительно хочешь стать самостоятельным человеком, никто не должен знать, что я твой отец».

Так старший Гангнус спасал молодого Евтушенко. А он по воспитанию, по самосознанию, по языку и культуре стал подлинно русским поэтом.

* * *

Вчитываюсь в книгу бывшего казахстанца, уже двадцать лет проживающего в Германии, кандидата исторических наук (специализируется, главным образом, по истории российских немцев) Виктора Кригера «Рейн, Волга, Иртыш» (Алматы, «Дайк-пресс, 2006). Познавательная, поучительная, изобилующая редкими фактами, архивными сведениями, разными таблицами, списками использованных источников книга. Она имеет подзаголовок: «Из истории немцев Центральной Азии». Об этой книге надо бы поговорить всерьез и основательно. Я же сейчас хочу обратить внимание читателя на один факт, который меня «зацепил». В книге В.Кригера приводятся таблицы о грамотности населения СССР по переписям 1926, 1939, 1989-го годов. Таблицы эти живо свидетельствуют об интеллектуальной деградации российских немцев после 1941 года. То есть, читатель может убедиться в том, до чего советская власть, сталинская тирания, карательные меры, депортация, репрессии, запреты, сознательное отлучение народа от национальных корней, закрытие школ, национальных культурных очагов, тотальные преследования, лишения и унижения в течение десятилетий довели

народ, который честно и преданно служил своему Отечеству. И это лишь одна грань национальной трагедии, одна лишь причина массового исхода народа. Так вот, согласно переписи 1926-го года по уровню грамотности на первом месте находились евреи. Из 100 человек грамотными были до девяти лет 85, в возрасте 9-49 лет – 90, в возрасте 50 лет и старше – 62,5 процентов. Очень высокий показатель, не правда ли? Кто же находился по уровню грамотности на втором месте? Немцы! По той же возрастной градации их данные такие – 78,5; 79,1; 74,4. Далее со значительным отставанием в показателях уровня образования шли русские, украинцы, грузины, белорусы, корейцы, армяне, чуваша, татары, мордва, калмыки, азербайджанцы. На четырнадцатом месте – казахи. Их показатели по выше указанной градации – 9,1; 9,9; 5,3.

Прошло одиннадцать лет. Результаты следующего ценза 1937-го года были аннулированы, а сама перепись объявлена делом рук врагов народа.

И вот данные по уровню образования населения СССР по переписи 1939-го года. Приводится такая градация из расчета на 1000 человек представителей разных народов – с высшим образованием, лиц со средним общим образованием, грамотных с 9 лет и старше. И опять-таки на первом месте евреи. У них из 1000 человек с высшим образованием 57,1; со средним общим образованием – 268,1; грамотных с 9 лет и старше – 943. На второе место вышли... грузины – 14,3; 129,8; 825. Далее указываются армяне, русские, украинцы. На шестом месте – немцы (5,2; 69,7; 935). Получается, по уровню грамотности с 9 лет и старше у немцев второй показатель (у евреев из 1000 человек грамотные 943; у немцев – 935). Но по лицам с высшим и средним образованием немцы откатились назад. Уже в 1939 году это был тревожный симптом. По уровню образования в 1939 казахи занимали 15 место среди населения СССР. Их показатели по выше образованной схеме – 0,9; 21,7; 618.

Прошло полвека – годы драматические и трагические. Казалось, у немцев была такая мощная образовательная база, а факт переписи 1989-го года поразительный, обескураживающий: из 18 представленных этносов по уровню высшего образования немцы оказались на последнем месте. Кто бы мог подумать? Лиц с высшим образованием стало больше у якутов, азербайджанцев, узбеков, татар, чувашей, мордвы, чеченцев. И в 1989 году по образовательному цензу на первом месте – евреи. Из 1000 человек высшее образование имеют 561 человек; среднее специальное образование – 174; без образования – 12 человек. Русские по этим градациям оказались на 7-м месте (138; 201; 60); казахи на 8-м (119; 158; 62); немцы – на 18-м месте. Из тысячи человек высшее образование имели только 57; среднее – 167; без образования – 64. Такова степень интеллектуальной деградации народа. Разумеется, вины народа в том нет. Народ не стал глупей и бездарней. И мы знаем, какая политика, что за идеология довела народ до такого состояния.

Помню: в мае 1991 года мы, группа «автономистов» (12 человек), были на приеме у Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева, и кто-то из нас привел эти цифры, и, услышав их, Горбачев на миг остолбенел и непроизвольно воскликнул: «Ух, ты!» И вся его свита, присутствовавшая при этом тяжелом разговоре, поневоле оробела. Представить это было почти невозможно. Немцы, всегда отличавшиеся интеллектуальным потенциалом, в результате национальных ущемлений после 1941-го года, откатились так трагически, почти

безнадежно далеко. Факт этот не только обескуражил, озадачил, а ошеломлял, поражал, убивал, сражал наповал. Мне даже почудилось, что непроницаемые кремлевские правители ощутили некоторую неловкость, лишь на мгновение поняв, что они и их предшественники натворили с народом. Правда, неловкость продолжалась лишь мгновение, ибо главный вопрос российских немцев не был решен и их, можно сказать, вытолкнули из России, обрекли на массовую эмиграцию. Об этом мне вспомнилось при чтении объективно беспристрастного научного исследования историка Виктора Кригера «Рейн, Волга, Иртыш». Я коснулся здесь лишь одного момента, одного факта, а подобных горестных явлений в трагической истории российских немцев сотни и тысячи. Я дожил до того времени, когда об этой трагедии стали говорить и писать все чаще, однако одиссея российских немцев раскрыта и осмыслена еще далеко-далеко не полностью. Книга Виктора Кригера восполнила серьезный пробел в истории немцев Центральной Азии – истории причудливой, драматической и еще мало изученной.

* * *

Знающие германисты считают самыми выдающимися немецкими поэтами XX века Райнера Марию Рильке, Стефана Георга, Георга Тракля и Готфрида Бенна. Последнего (годы его жизни 1886-1956) часто называют великим. Жизнь его сложилась очень непросто. «Век-волкодав бросался на шею и Бенну», – пишет германист-критик Юрий Архипов. Он, Бенн (по профессии врач – дерматолог и венеролог), испытал травлю со всех сторон.

Что меня поразило в его биографии? То, что долгие годы он был обречен на безмолвие: десять лет при нацистах и три года при освободителях, поработивших Германию. Можете себе представить: двадцать лет без читателей?! И двадцать лет он упорно, истово писал. В стол!! Каково? Ю.Архипов: «Он не искал успеха у публики, ему было важно дать отчет Музе».

Вот оно, мужество и достоинство поэта! И я мысленно представил своих казахских коллег – сверстников и младших. Кто из них был бы способен двадцать лет упорно трудиться «в стол», службой зарабатывая на брэнность? Не могу назвать ни одного. Напишут пару стишков и мотаются по областям, по тоям-юбилеям, выпрашивая-выклянчивая у властей награды, подачки, премии, внимание, славу. Смешно и позорно! И при этом еще жалуются, сетуют на то, что им мало перепадает, что власть их недостаточно оценивает, не уделяет должного внимания. Ну и за что ценить-то их, этих бишара-сорлыбаюшек? За попрошайничество? За то, что так унижают достоинство писателя? Народ-то все видит, все знает. И потому очень часто относится к писателям-торгашам, к писателям-попрошкам не то, что с уважением, а с нескрываемым презрением и брезгливостью.

* * *

В газетах пишут: самая удобная для жизни страна – Норвегия. Но меня туда совсем не тянет. Хорошо, говорят, и в Германии, и в США. Но и это меня не прельщает. В Казахстане же изъянов и недостатков – горы Алатау. Но жить я могу только здесь. И ничего тут не поделаешь. Старый ворон привык к своему гнездовью.

* * *

У Жирмунского В.М. есть капитальное исследование «Гете в русской литературе». В своих работах я к нему обращался не раз. Академик Жирмунский называет всех переводчиков «Фауста». Их не менее трех десятков (я говорю о переводах на русский язык). Конечно, часто переводчики довольствовались одними фрагментами и вариантами. Самыми признанными переводчиками «Фауста» на русский язык считаются двое – Н.А.Холодковский и Б.Л.Пастернак. Я в свое время сравнивал эти переводы с оригиналом и скажу, что мне лично близок более точный перевод Холодковского, осуществленный в 70-х годах XIX века. В нем я вижу и слышу самого Гете. А Пастернак, чей перевод считается более поэтическим, слишком раскованный, слишком вольный. Пастернак, главным образом, выпячивает себя. Гете часто остается в стороне. Пастернаковский перевод мне лично чужд.

И вот три года тому назад в «ЛП» (№ 21-22, 2006) попала мне на глаза заметка «Неизвестный «Фауст», из которой явствует, что обнаружен еще один полный перевод трагедии Гете – Константина Алексеевича Иванова. Кто он? Филолог, поэт, директор царско-сельской гимназии, учитель детей последнего русского царя. Он, Иванов, посвятил переводу «Фауста» 40 лет жизни. Закончил перевод в 1919-м году. Рукопись семья надежно прятала. Она пережила ленинградскую блокаду, все последующие этапы бурной эпохи и увидела свет уже в начале XXI века тиражом в 1,5 тысячи экземпляров. Перевод, пишут, добротный. Но я с ним не знаком. Жаль. Было бы любопытно сопоставить с оригиналом и известными переводами.

* * *

Извечные вопросы бытия отразились в «Фаусте» Гёте. Фаустом, например, овладел соблазн власти. Кого только – во все времена! – не совращала вождельная власть. И сколько жертв на пути к власти – и представить страшно! Однако несчастный и тщеславный человеческий род продолжает самоубийственно стремиться к славе. Мефистофелю это хорошо ведомо. И он предостерегает Фауста:

– Фу, постыдись о славе помышлять!
 Лишь шарлатаны ищут славы шумной.
 Чем пред толпою праздно щеголять
 Употреби дары свои разумно.

Напрасные предостережения! Слабому человеку во имя славы нужно покрасоваться перед толпой, ковылять по красному ковру, триумфально вскидывать руку, окунаться в ликующий ор, обвешивать себя до пупа цацками и мишурой.

И чем это кончится? Мефистофель точно знает:

– Немного пошумев, молва убавит пыл;
 Равно забвенью ждет героя и кутилу.
 Славнейший из царей едва глаза закрыл –
 Уж псы к нему бегут мочиться на могилу.

Так было. Испокон веку. Так будет. Мы это видим. Мы в этом убедились. Мефистофель предупреждает охваченного жаждой славы Фауста:

– И вот ты знаменит; и через сотню лет –
Что о тебе сказать – никто уж и не знает.

«Через сотню лет» – слишком сильно сказано. Забвение настигнет славолюбца значительно раньше. Но калифов на час становится все больше и в наше время.

* * *

Из книги «Судьбы поэтов серебряного века» узнал, что Георгию Иванову принадлежит роман «Третий Рим». А у Мориса Симашко есть роман «Четвертый Рим». Публицистический роман. Роман-эссе. Отдельные главы, фрагменты его печатались в разных журналах и газетах – зарубежных и казахстанских. И я писал об этом романе. Но в полном книжном формате он и поныне не вышел. К сожалению. К недоумению. А ведь закончил его автор перед самой кончиной. Прошло десять лет. Өлдің, Мамай, қор болдың... (Роман-эссе М.Симашко «Четвертый Рим» вышел стараниями Л.Ю.Гирша в Алматы в 2014 году (ред.).

* * *

У Полонского есть такие строки:

Писатель – если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

Это программные стихи. Таким ощущением должен быть пронизан писатель любого народа. Кредо это закономерно проецировать и на писателей Казахстана. Мне близок писатель-борец, писатель-трибун, писатель-подвижник, писатель-мыслитель, писатель-энтузиаст. К писателю-отшельнику, самовлюбленному Нарциссу, эстету, забавляющемуся изящный словесностью, я равнодушен. Раздражают меня текстовики, сочиняющие абракадабру, но считающие себя поэтами. В Казахстане, разумеется, встречаются поэты, но акынов – море. Для меня Абай – поэт, Джамбул – акын. Прозаиков мало, жазушы много. Правда, это не только в Казахстане.

* * *

Прочел в ЛГ (№ 41/09) статью известного литературного критика, слависта, знатока русской эмигрантской литературы Ренэ Герра «Остались неслышанными». Статья раскрывает трагедию русских писателей-эмигрантов, обосновавшихся в начале прошлого века во Франции. Они, изгои, именитые писатели и поэты (Бунин, Адамович, Мережковский, Гиппиус, Зайцев, Газданов, Бальмонт, Цветаева, Шмелев, Вейдле, Ходасевич, Берберова, Иванов и многие другие) очень нуждались в поддержке французских писателей, писали отчаянные письма

взывали к сочувствию, но тщетно: как пишет Ренэ Герра, «уместно напомнить, что кроме Р.Роллана на стороне советской власти были так называемые прогрессивные литературоведы – А.Барбюс, Л.Арагон, А.Бретон, Л.Дюртен, А.Мальро, Ж.Дюамель, Н.Саррот, А.Роб-Грийе, А.Жид». Письма-обращения к французским коллегам Бунина и Бальмонта потрясают: столько в них боли, отчаяния, обиды, тоски! Действительно, вопль в пустыне.

Нечто подобное испытывали и российские немецкие писатели после 20-летнего тотального безмолвия. Советская власть всячески поддерживала (материально и морально) немецких писателей ГДР, а своих немцев методически глушила. И, конечно, российские немецкие литераторы рассчитывали, тайно надеялись на слова поддержки своих ГДРовских коллег. Какой там?! Те проявляли полное равнодушие, безразличие, высокомерие, снобизм. И только заведующий отделом издательства «Volk und Welt» Леонард Кошут (полуавстриец, полуукраинец) проявил снисхождение и сочувствие, издав в начале 80-х годов прошлого века сборник «10 sowjetdeutsche Erzähler». И мне очень понятна боль прекрасных русский писателей, не услышанных в столь трагический момент французскими коллегами. А ведь и те, и другие были достойными личностями. Досадно и горестно.

* * *

«...ведь государство не всегда имеет шансы просуществовать, если его писатели станут говорить народу правду...»

Эту фразу записал 19 мая 1967 года Корней Иванович Чуковский в своем дневнике, выражая свой восторг от встречи с А.И.Солженицыным.

Я подумал: может, наши писатели потому и предпочитают помалкивать, ибо жалеют свое государство и, как всегда, жертвуют правдой для народа.

* * *

Какой должен быть нравственный императив писателя, обращенный к самому себе? Если сжато, вот он: пребывать независимо, не лгать, не искать (в смысле заискивать), не кланяться и не суесться.

Много ли казахстанских писателей руководствуется этим элементарным правилом? Я думаю, читатель сам в состоянии на это ответить.

* * *

Гонимый, преследуемый, оклеветанный Александр Солженицын после трагической травли и драматических перипетий получает аванс из «Нового мира» за так и не опубликованный в нем «Раковый корпус». В скобках замечено: «его (аванса) хватит почти на два года жизни». Было это в 1967 (или 1968) году.

Я подумал: у нас в 2009 году издали первый том моего гипотетического 10-томника, и я за него получил гонорар (не аванс) в «чистом» виде 120 тысяч тенге. Их мне хватит при аскетическом образе жизни едва на три месяца. Вот вам пример для размышления.

А на ум приходит одно признание Сабита Муканова. Я его слышал собственными ушами. В 1925 году он был членом ЦК партии Казахстана, за что получал ежемесячно 75 рублей. А овца стоила на базаре примерно 5 (пять) рублей. То есть, только за членство в ЦК Сабит Муканов мог ежемесячно купить 15 овец

А ведь у него были и другие источники дохода. И немалые. Ну и поразмышляйте о прогрессе нашего бытия. Сколько овец в месяц купит ныне академик на свою зарплату?

* * *

Дмитрий Воскобойников («Известия» от 01.12.09) приводит цитату из Достоевского: «Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство; подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы».

Задумался. По-моему подлецов и у нас в Казахстане тьма-тьмущая. Но к какому роду по классификации Достоевского их отнести? Мнится, что чистокровных у нас все-таки больше.

* * *

В канун нового года во Франции происходит традиционное вручение литературных премий. «Общее число премий превышает четыреста», – пишет Аркадий Ваксберг (см. ЛГ № 46 за 2009 год).

И я подумал: «Апырай, четыреста! А сколько у нас?» «Премия бессмертных» за лучший роман «тянет» на 7500 евро. Нехило на наш казахстанский взгляд.

А какие тиражи? 40 тысяч, 140 тысяч, 400 тысяч.

У нас же: 300, 500, 1000, 2000 экземпляров.

Конечно, невозможно сравнивать Францию с Казахстаном, хотя незабвенный Сабит Муканов любил говорить, что «наша» территория – 20 Люксембургов, 10 Бельгий, 5 Франций и т.д.

* * *

То, что у нас мало читают, мы склонны объяснять тем, что молодое поколение повально увлекается компьютером, интернетом. А на Западе что, не увлекаются? Откуда тиражи, откуда столько литературных премий, откуда такие чеки? По-неволе задумаешься.

* * *

В «Қазақ әдебиеті» (№ 1-2/2010) пятеро моих именитых казахских коллег жалуются на современное бедственное положение литературы и литератора. Один говорит: «Читающих книг ныне совсем мало»; второй сетует: «В наше время быть писателем непопулярно»; третий плачет: «Нынешний писатель живет нищенской жизнью. Он что попрошайка. За книгу, над которой он корпит, не разгибая спины, три-четыре года, он едва получает тысячу долларов; четвертый пишет: «Мы все больше привыкаем к жизни без газет и книг»; пятый ностальгирует: «В советское время о литературе проявляли большую заботу».

Словом, тональность этих коротких интервью грустная, упадническая, негативная. Писатели чувствуют свою обездоленность, неостребованность. Сильно озабочены своей скудной жизнью.

Я их понимаю. И все это – правда. Prestиж писателя в обществе заметно упал. Виноваты в том, конечно, новые обстоятельства, но и писатели – тоже. Писательское слово лишилось былого веса и значения. Тиражи ничтожны. Что

такое гонорар, можно вычитать только в толковых словарях. Общественная аура изменилась. Люди по-прежнему взыскивают истины, но в писательских опусах ее не находят. А ложью и фальшью все давным-давно насытились. Литература ушла от своего извечного предназначения. Перестала быть честью и совестью народа, правдой, колоколом вечевым, глаголом, жгущим сердца, выразительницей дум и чаяний безъязыкого люда, властительницей дум, заступницей и страдальницей. Она все больше превращается в хобби сытых бездельников. А такая литература кому, собственно, нужна? Без нее в бурном море бытия вполне можно обойтись. Есть ведь и другие забавы-соблазны.

Все это так.

Но я лично печаль жалобщиков-коллег не разделяю. Я искони склонен считать, что литература – жертвенная профессия. Писатель – вместилище народных бед и горестей, локатор общественных неурядиц и нелепостей, трубадур, трибун, обличитель всего гнусного и отвратительного, что происходит в жизни, тонкое чувствилище, совесть, честь, заступник и сострадатель. Бог его одарил особой организацией души, разными способностями, а иногда и редчайшим талантом. А коли так, у него, у писателя, не может быть спокойной, сытой, благополучной, безмятежной, сотканной из сплошных удач и удовольствий жизни. Его жизнь – адов труд, лишения, ограничения, душевные терзания, маета, изнурительное и постоянное недовольство собой и тем, что происходит вокруг. И он не только мучается, сокрушается, терзается, но еще и посильно борется, чаще всего при жизни терпя поражения.

Такова его судьба. Его доля. Его рок.

Конечно, писатель – тоже человек. Но и еще что-то. Нечто не всегда объяснимое.

Так кому и зачем жаловаться? Прежде всего жалуйся на самого себя. Тебя ведь ныне не преследуют, не сажают в тюрьмы, не изымают рукописей, не отправляют в ссылку. У тебя не отбирают перо и бумагу. Над тобой не висит домоклов меч цензуры. Ты можешь говорить все (или почти все), что считаешь нужным сказать. Ты имеешь право творить. А за творчество, как известно, нужно платить очень высокой ценой. Нередко – жизнью. Благополучием близких и родных.

Ты сам выбрал эту жертвенную профессию. Тебя никто из смертных не неволил. Так зачем эти публичные стенания, жалобы, просьбы? Не проси. Не жалуйся. Не выклянчивай славы. Будь честным, правдивым, благородным перед собой и перед людьми. И тебе воздастся. Народ оценит по достоинству. Бывает, потом, после твоей смерти. Но это твой выбор. Твой жребий. А потому не скули, как дворняжка, который невзначай прищемили хвост.

* * *

Мне порою чудится, что казахи – несмотря на всю их трагическую и драматическую историю – все еще ищут себя. То есть, они себя в полной мере еще не нашли. Ничего обидного в этом нет. Скорее, наоборот. Казахи смотрят на Восток и на Запад, примеривают к себе то восточный облик, то западный. Культивируют в себе то восточную ментальность, то западную. Они убедились, что вполне успешно впишутся и туда, и сюда. Но еще не совсем вписались. Не прописались. Иначе говоря, они на пути становления. То есть, они еще не полностью выразили свою потенцию.

Немцы (германцы), пожалуй, себя давно нашли. И полностью выложились, выразились. И ничего уже не ищут. Варятся в собственном казане. Довольствуются разве что вариациями. Может, в чем-то усовершенствуются. Но ничем уже мир не удивят. Вероятно, это можно сказать и о других нациях. А вот казахи еще в развитии. И в этом их историческое счастье.

* * *

Уже в который раз перечитываю «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого и все нахожу какие-то нюансы, на которые раньше не обращал внимания. Особенно поразила одна фраза, которая абсолютно точно относится ко мне: «Таков был тайный советник, ненужный член разных ненужных учреждений, Илья Ефимович Головин».

Ну, да... тайным советником я никогда не был, но многие годы состоял ненужным членом разных ненужных учреждений.

И еще: Иван Ильич «принял тон легкого недовольства правительством, умеренной либеральности и цивилизованной гражданственности».

Это характерно для определенного типа казахстанских «зиялы қауым».

В «Смерти Ивана Ильича» много немецких фамилий. Штабель, Шварц. Жена Ивана Ильича – Прасковья Михель. Гоппе, который «забежал как-то вперед и получил место». В Казахстане таких Гоппе зовут Мырқымбаями. Есть еще Миллер.

И вот еще одна поразительно верная деталь. «Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то; но если это не подтвердится по исследованиям того-то и того-то, то у вас надо предположить то-то и то-то. Если предположить то-то, тогда... и т.д.».

У нас примерно так рассуждают не только доктора, но и политики. Они вам все растолкуют, объяснят.

Прочел рассказ на одном дыхании, хотя все в нем мне известно. Блистательно все сделано. Шедевр! Пожалуй, только слов «ужасно», «ужасный», «ужас» многовато. Хотя бы на десяток сократить, дабы не выпячивались.

А вообще это нечто бесподобное. Это больше, чем литература, чем искусство. Это поражающая и манящая тайна. Колдовство.

«Смерть Ивана Ильича» кончается так: «Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер».

А рассказ «Алеша Горшок» кончается следующим образом: «Удивился чему-то, потянулся и помер».

Очень много вздора – русского, казахского, немецкого – приходится читать. Действительно, ужас! А надо бы почаще перечитывать Тургенева, Толстого, Чехова, Бунина, Томаса Манна. Увы!..

* * *

Помню, еще при Софье Власовне (т.е. при Советской власти) наши писатели очень часто выезжали в области, районы, аулы, тесно общались с читающим людом. И по «линии» Союза писателей, и по «линии» литературного фонда, и по заданиям редакций, и по творческим командировкам. Писатель, что называется, находился в гуще жизни. Как, собственно, и должно быть.

Времена изменились. «Линии» сократились, ужались, ссохлись, как шагреновая кожа. Свободы стало больше, живых контактов все меньше и меньше. На-

род перестал видеть живых писателей, писатели – народ. Образовался с годами большой разрыв. Как между народом и властью. Для литературы это гибельно. Я это вижу. Чувствую. И по себе знаю.

И в связи с этим опять вспоминается Александр Солженицын. Сколько он скитался по Руси за свою долгую жизнь! Как глубоко проник в провинциальный быт! С какими слоями общества тесно общался!

Вернувшись на Родину после двадцатилетнего изгнания, он, всемирно известный русский писатель, лауреат Нобелевской премии, опять-таки не сидел на месте. За четыре года после возвращения на родину он объездил 26 областных центров, средние и малые города, поселки и села, провел около ста общественных встреч, на каждую из которых собиралось от 100 до 1700 человек. И какие это были встречи! Встречи-откровения, встречи-исповеди, встречи-обещания. Какие на них поднимались проблемы! И какое душевное единение происходило на глазах!

Кто, спрошу я, из 700 членов Союза писателей Казахстана способен на такое? Никто!

Знаю: наиболее активным в смысле поездок по областям был, пожалуй, Абдижамил Нурпеисов. Каждый год даже уже в почтенном возрасте он посещал (и не один раз) все области Казахстана. К сожалению, на творчестве его эти поездки «в народ» почти не отражались. И не секрет, что очень часто в задачу его поездок входили откровенно меркантильные мотивы. Он воспринимал реальность исключительно глазами местного начальства. Все остальное отсекал, не замечал. Он общался главным образом с акимами и акимчиками, довольствовался их вниманием и лаской, верил их рассказам, радовался их благосклонности. То есть он видел то, что внушало ему начальство. Так он был психологически настроен. И я его ничуть не осуждаю. Тем более, что этим грешил далеко не он один. До дна жизни ни один из выезжающих не опускался. Реальность бытия воспринимали отраженным светом.

Однажды – опять-таки доподлинно знаю – он, по-граждански встревоженный разными несуразностями нашего бытия, вознамерился с группой коллег объездить глубинку Казахстана, чтобы отразить в серии очерков и зарисовок конкретную, текущую реальность, довести до властей все «свинцовые мерзости», творимые и творящиеся «внизу». Очень благородный был порыв. И он делился со мною им откровенно, мечтательно. Увы, затея не осуществилась. Видно, писатель трезво рассудил, что навара от нее ни на грош. И он засел за редактирование романа, написанного сорок лет назад.

Замечу: нечто схожее произошло и с другими писателями. Исключений слишком мало. В результате литература обескровилась донельзя. Без жизненных соков стала доходяжкой. Общество дичало. Властям это было на руку.

Так что случилось?

Беспокойный, взыскующий дух непокорного Солженицына Казахстану чужд, он здесь угас, так и не воспламенившись. И в результате мы имеем то, что имеем. Застой. Болото. Есть премии, есть ордена, есть амбиции, вожделение, возня. Полнокровной литературы нет. Слишком сильно оторвалась она от жизни. Оды, аллилуйи-жарапазаны, подхалимские потуги, литературные игры и словесные забавы – еще не литература. Говорим: литература – дело совести. А совести-то нет. Говорим: литература – вечный поиск и борьба. А поиска и борьбы-то нет.

Говорим: литература – жертвенная профессия. А жертвы-то нет. Так что же есть? Есть суета, видимость, показуха, амбиции, низменное вожделение, мимикрия.

Ужасно!

* * *

Крохотная газетная заметка. Банальная мыслёнка, вполне вмещающаяся в ореховую скорлупку. Серый, казенный язык. А подпись? Такойтович-Пәленшеев Писатель. Заслуженный деятель Казахстана. Лауреат множества премий. Трижды орденосеи. Действительный член какой-то Российской академии. Почетный профессор. Почетный гражданин области, района и аула. Кавалер семи медалей и пяти знаков.

Ойдойт! Заметка шириной в два пальца, с гулькин нос, а регалий – большой казахский корджун.

* * *

Не знаю, не знаю, но чудится мне, что во всем нашем успешном развитии преобладает все же невежество. Оно проникло глубоко во все сферы бытия. Я лично сталкиваюсь с невежеством постоянно.

Когда-то один большой русский писатель придумал хлесткое слово «образованщина». В Казахстане, видит Бог, мы до образованщины не доросли. У нас скорее «невежественщина».

* * *

Предварительно позвонив, прислал мне со своим водителем прославленный артист, режиссер и весьма колоритная, уникальная личность Асанали Ашимов семь (!) своих опрятно, богато изданных книг. Большинство его писаний мне знакомо. Автор для меня издавна симпатичный человек. Правда, в жизни сталкиваемся не часто. Если бы мне поручили выделить из здравствующих ныне ярких азаматов казахского племени троих, я бы остановил свой выбор на Олжасе Сулейменове, Тохтаре Аубакирове и Асанали Ашимове. Они, на мой взгляд, – олицетворение казахских достоинств. Об Асанали сказано и написано много. Вся его жизнь – счастливая и трагическая – у всех на виду. Он поистине сын народа. За счастье творчества он заплатил невероятными горестями и утратами. Такова судьба отмеченных Богом.

Мне нравятся его дневники – максимально сжатые, лапидарные, динамичные, точные, деликатные и искренние, выверенные природным тактом, вкусом, благородством и предельной исповедальностью. В его записях-набросках заключен воздух эпохи. Простота и меткость наблюдений изумляют. У большого, крупного статью и духом человека и деяния-поступки, мысли-чувства большие и колоритные. Кажется, эти дневники на русский язык не переведены. А жаль!

Я читал эти записи, не отрываясь. В них во множестве фигурируют мои современники – писатели, ученые, журналисты, актеры. И характеристики их поразительно, осязательно точны, порой нелюбимы. Этим они и подкупают.

Некоторые сентенции Асанали звучат, как афоризмы.

«Хлестать водку стало болезнью казахских тусовок».

«Наступило время разобщений».

«У нас острый дефицит рыцарства».

«Хочешь жить – смейся до смерти».

«Нет более капризного люда, чем писатели».

«Какое счастье – быть хозяином своей страны».

«Честному человеку в наше время очень трудно».

«Звания нужно давать за талант, а не за национальность».

«Хороший писатель должен быть в тени, хороший актер – на виду».

«Путное дитя принадлежит народу, непутевое – тебе».

«Наша главная забота – брюхо».

«Такое время: хорошие ушли, посредственные остались».

«Окружают меня все больше подхалимы, волки».

«Достоинство иных определяются количеством недругов».

«Когда на земле плачет сирота, на небе скорбит Творец».

«Подхалимы своего не упустят».

«Иные склонны начинать историю с себя; прошлое отвергают напрочь».

«Выше порога нет горы; хуже плохого родича нет врага».

В дневниках Асанали много любопытных наблюдений, россыпь парадоксальных заключений, едких зарисовок о своих друзьях, описания событий, театральные заботы и интриги, житейских деталей, скорбных замет, творческих коллизий и неизбывных печалей. Оценки Асанали овеяны мудростью думающего, зрелого художника. Человека ума и доброго, открытого, щедрого сердца. Книга называется: «Мой жанр – дневник». Она богато иллюстрирована фотографиями Асанали в кругу выдающихся личностей, коллег и друзей, родных и близких.

Популярен Асанали не только в Казахстане. Творческая и житейская аура его широка. Последняя по времени его книга, изданная издательством «Білім» (2009) на русском языке, так и называется: «С любовью – ваш Ашимов». Это автобиографическая, мемуарная книга, рассказывающая проникновенно и доступно о жизненном пути, о всех этапах и зигзагах непростой жизни незаурядной личности.

Я давно испытываю прочную симпатию к этому рыцарю казахского духа, много о нем знаю, но книги его еще раз прочитал с неиссякаемым интересом. Мне Асанали особенно близок еще и потому, что он учился в Байкадаме, где я учительствовал спустя несколько лет.

Мы современники. Мы дышали и дышим одним воздухом, жили и живем под общим казахстанским небом.

* * *

Творчество – самоедство. Вот Данилка из «Малахитовой шкатулки» – «задумчивый стал, невеселый... Спрашивают Данилушку – не потерял ли чего? Он улыбнется этак невесело да и скажет: «Потерять не потерял, а найти не могу».

Нечто подобное и со мною нередко происходит. Особенно такое состояние участилось на склоне лет. Потерять вроде ничего не потерял, а найти не могу.

Маята. Ходишь сам не свой. «Кибитка потеряла колесо».

* * *

Один из явных недостатков казахской прозы – приблизительность, языковая неточность, случайность деталей. Пишут: «Какая-то птаха»... Ой, айналайын, что значит «какая-то»? У этой птахи разве нет конкретного названия? Или: «тра-

ва». Какая? Что за трава? Или: «дерево». В лучшем случае, «карагач», «терек» (тополь). Оу, деревья-то тоже разными бывают. И у каждого дерева свое «лицо». Аты бар емес пе?

«Механик коснулся было какой-то железки в моторе, и она злобно зашипела», – пишет один классик. Спрашивается: что за железка? Чего невзначай коснулся механик в моторе? Механику неведомо, или автор не знает? Работает по принципу «обшый который»?

Надо учиться у русских классиков. У них нет случайных, приблизительных деталей. Если у героя, скажем, тонкие губы, или оттопыренные уши, или кривой нос, то это его определенно характеризует. Напиши, что у героя были толстые губы, мясистый плоский нос, и образ психологически рушится, развалится.

Я много переводил казахов. И часто приходил в недоумение: какая трава, какое дерево, почему из трубы низко стелется дым, коли стоит ведро, почему тот же дым прямым столбиком тянется к небу, если ненастье, хмарь? Все эти «что-то», «как-то», «какая-то», «нечто», «вроде как» приводят в уныние. Неточность слова, приблизительность в описаниях – сушая беда. Перестаешь верить писателю. Чувствуешь: он сам смутно представляет, о чем пишет.

Читаю в книге Григория Когана «У врат искусства» (М., 1969): «отсутствие точности или одна приблизительная точность, чего Пушкин терпеть не мог»; «всякое «как-нибудь». «вообще», «приблизительно» недопустимо в искусстве» – предостерегал Станиславский; «выходит «около», как говорил Шалапин». За свой век столько всякой всячины перелопатил! Ныне сильно охладел к толмачеству.

* * *

Если б можно было на том свете читать! Это одно из упущений божьих чудес. Я бы забрал с собой девять томов Бунина и читал-перечитывал бы с начала до конца и с конца до начала бесчисленно раз и наслаждался бы родниковым русским речестроем. Ах, прелесть!

Если б было дозволено, забрал бы еще Гете и Абая.

Пустое все, брат, пустое...

* * *

Казахи от природы близки к поэзии. Они стихийно чувствуют гармонию слова. Умеют ярко, образно выражать свои чувства. Правда, на мой взгляд, несколько многословно. Кстати, о том еще задолго до меня метко сказал Абай: «Қазақтың өзге жұрттан сөзі ұзын».

Казах обитает в океане слов. Прекрасных поэтов среди них тьма.

Вспоминается мысль Александра Блока: «Кто такой поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно, он пишет стихами потому, что он поэт, потому что он приводит в гармонию слова и звуки...»

О том напоминает Генрих Нейгауз в книге «Об искусстве фортепианной игры» (М., 1988).

Казах охотно и умело выражается стихами потому, что он от природы поэт и воспринимает мир поэтически.

* * *

В честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне каждому ее живому участнику в Казахстане будет выдано одновременно по 65 тысяч тенге. О, как

обрадуются мои старшие друзья Нурпеисов, Нуршаихов, Алимбаев, Исабаев, Китапбаев! Вот это «напака»! Казаху, я прикинул, этого хватит на месяц; русскому – на два месяца; немцу – на три. Но я не могу вспомнить ни одного немца в Казахстане – участника ВОВ. А трудармейцы у нас ведь не в счет.

* * *

За своеобразным поэтическим и публицистическим творчеством Темирхан Медеубека я слежу давно. Не однажды высказывался по поводу его раскаленных, распаленных, неукротимо-дерзких, напористо-бунтарских строк, пронизанных ширью степей и номадической вольностью, по поводу его ностальгии-тоски по героическим, непокорным предкам, вскормленным бесстрашной волчицей – пра-матерью голубых тюрков, обитавшей под безбрежным небом тюркского эля.

То, что происходит в нашем меркантильно-торгашеском времени, на огромном, мнимо-независимом пространстве, всеместная деградация национального духа, лобовая, примитивная ложь, беззастенчиво культивируемая мелкотравчатыми популистами всех мастей, неистребимое рабство и покорность, изуродовавшие людские души – все это поэта Темирхана (напомню: лауреата Государственной премии Республики Казахстан) не только волнует, тяготит, унижает и угнетает, но и возмущает, воспаляет, рождает в нем активное неприятие и яростные, махамбетовские метафоры. Он, Темирхан Медетбек, – яркий представитель махамбетовской школы казахской поэзии. Точнее, его творчество зиждется на диковинном синтезе традиций древних казахских жырау-сказителей, а также поэтических школ Абая и Махамбета. По форме, по манере выражения, по ритмическому рисунку, по вольности и меткости его стихострел в Темирхане, на мой взгляд, преобладает влияние последнего. Об этом мне еще раз подумалось, когда я несколько дней вчитывался в большую (на всю газетную полосу) подборку его новых стихов в «Жас алаше» (14.01.2010). Наше настоящее неприемлемо для поэта. Он остро ощущает, видит его изъяны, его несовершенство, его вопиющую дисгармонию. Он задается вопросом: «Что это за жизнь? Хожу – падаю. Смеюсь – плачу. О, Создатель, в чем же дело? Ведь я вроде бы здоров. Грех жаловаться. Ну почему душа горит? Почему мое дыхание – дым удушливый?»

Огромная страна «Ғажапстан» («Страна-чудо») воспринимается им сплошным, гигантским театром. Все превратились в актеров. Хитрые. Коварные. Грозные. Именитые. Лищедеи-фарисеи. Идет нескончаемый трагико-комический спектакль. Один актер рыдает. Другой хохочет. Третий мычит коровой. Четвертый скулит собакой. Еще один, чувствуя себя триумфатором, сам грабит свою страну. Толпа в массовках мечется туда-сюда. Главный актер произносит бесконечный монолог. И никто ему не внимает. Никто не слушает. И спектакль продолжается.

Еще в одном стихотворении поэт сетует на бестолковость нашего повседневного бытия. Ах, как мы любим шуметь-галдеть-трубить на весь белый свет о наших делах-деяниях, которых и в помине нет! Ах, как мы суетимся, взбиваем мутовкой словесную пену! Ах, как мы из кожи лезем, чтобы всех вокруг удивить, поразить, околпачить, пыль в глаза пустить. Ах, как мы потом, опозорившись, кусаем себе локти!..

Или: в позолоченном-посеребряном дворце восседают люди и принимают охапками решения-постановления, заботясь о простом народе. Глянь на парламент: тоже все денно-нощно пекутся о благоденствии страны. А в министерствах,

говоря о бедном человеке, слезы льют, от боли и любви к нему корчатся, сохнут, томятся, в муках пребывая. А почему народ не ест досыта? Почему он ходит в рваных курточках?

Подобными мотивами пронизана вся поэтическая подборка. Поэт кричит, вопит от боли, от стыда, от обиды, негодует, разоблачает, неистовствует, изнывает, взыскует, возмущается.

Я лишь весьма прозаически пересказываю содержание иных стихотворений Темирхана. Читатель может подумать, что это декларация, плакат, публицистика, злоба дня. Это не так. Это стихи. Подлинная поэзия. Со всеми ее приметам, достоинствами, нюансами, то есть, метафорами, сравнениями, ритмом, рифмами, инверсиями, эмоциональными фигурами, проникновенными словами, идущими от изболевшей души, от сердца. Жаль, что они не переведены адекватно на русский язык. «Из всех пор моих стихов сочтется кровь», – убеждает поэт. Так названа и сама подборка.

В казахской поэзии громко слышен неравнодушный гражданский голос ряда поэтов – Иран-Гаипа, Софы Сматаева, Исраила Сапарбаева, Алимхана Алима, Темирхана Медетбека. Для них поэзия – не забава, не тру-ля-ля. И потому их знают. Их читают. Ими восхищаются и гордятся.

* * *

Переводоведение – моя давняя слабость. О переводе как искусстве я написал уйму статей и несколько книг. И доселе собираю разные факты по этой теме. Из «ЛГ» (№№ 2-3 за 2010 г.) я узнал, что по числу постановок Чехова обошел лишь Шекспир, что Чехов в Германии переведен весь, там же ему поставлен и первый за рубежом памятник, что смотреть Чехова по-немецки интересно, но не просто. Почему? «В переводе слова вдруг разрастаются в предложения, поясняющие подтекст, лаконизм языка исчезает», – пишет Мария Хамахер, сборкор «ЛГ» по Центральной Европе. Чехов, мол, становится тяжеловесен.

Мне это известно. При переводе, как правило, любой материал несколько увеличивается за счет пояснений, разъяснений, расшифровок, толкований, подбора необходимых аналогов и адекватных метафор. А немецкие составные глаголы, формы словообразований, артикли перед каждым существительным поневоле приводят к неминуемой дородности оригинала. Мой, например, роман «Дом скитальца» (25 п.л.) распух при переводе на немецкий страниц на 80-100.

К 150-летию А.П.Чехова в Германии приурочен выпуск Полного собрания сочинений в новом, более современном переводе. Аркадий Ваксберг из Парижа сообщает: «Вряд ли осталось что-либо не переведенное на французский язык из его (Чехова) произведений».

Полное собрание сочинений Чехова в Китае вышло в 27 томах. Ныне вышло и второе Полное собрание его сочинений.

Эти факты свидетельствуют о том, что переводы устаревают, и их время от времени полагается обновлять. Старая истина! А мы в Казахстане издаем переводы, осуществленные 40-50 лет назад.

* * *

Радуют меня издания, работающие на духовность, на интеллектуальное развитие, на просвещение народа. Общественная, культурно-познавательная

значимость подобных изданий неоспорима. И мне всегда хочется внедрять их в сознание как можно большего числа читателей. Хотя бы в форме аннотации или короткого отзыва.

Дина Мухамедхан, деятельная и блестяще образованная дочь знаменитого абаевода, историка литературы Каюма Мухамедханова (1916-2004 г.г.), директор Общественного фонда «Центр образования и культуры имени Каюма Мухамедханова», неутомимый популяризатор и хранительница огромного творческого наследия отца, передала мне сразу четыре книги: «Шакарим и Каюм. Сплетение судеб» (Астана, «Фолиант», 2009), «Каюм Мухамедханов. Научные комментарии к произведениям Абая» (две книги, Алматы, 2009), «Каюм Мухамедханов. Ильяс Бораганский – первый издатель книг Абая» (Алматы, 2009).

Кратко остановлюсь на каждой из этих книг. Отмечу, кстати, что с Каюм-ага я был знаком, встречался и беседовал с ним, знаю его основные труды и трагическую судьбу, о чем поделился в книге воспоминаний о нем, писал в рецензии о его карлаговском сборнике. Для меня он был и остается образцом порядочной, яркой Личности, безупречного Гражданина и подлинного Ученого.

Составителями книги «Шакарим и Каюм. Сплетение судеб» обозначены дети Каюма Мухамедханова (их у него десять, с тремя из них нахожусь в давнем контакте). Книга эта, состоящая из научных статей и исторических документов на казахском и русском языках, – развернутое повествование (21 п.л.) о жизни и творческой деятельности поэта и мыслителя (племянника Абая) – Шакарима Кудайбердиева (1858-1931). За возвращение казахской литературе его славного имени, его многогранного литературного, переводческого и философского наследия Каюм Мухамедханов упорно и последовательно боролся многие годы как дотошный и принципиальный радетель казахской духовности. Отсюда и сплетение судеб двух выдающихся личностей, изведавших жестокую участь своей крутой эпохи.

Как построена и из чего соткана книга, о которой веду речь?

Книгу предваряют несколько высказываний известных людей о Каюме Мухамедханове, лекция его «Несколько слов о моих истоках» (очень важные автобиографические сведения для тех, кто имеет слабое, поверхностное представление об ученом), глава из книги журналистки А.Белякиной «Воскрешение забытой тени».

Далее в I главе опубликовано 9 статей К.Мухамедханова о Шакариме, как всегда обстоятельных, дотошных, научно выверенных (8 из них на казахском языке).

Вторая часть книги составлена из поэтического пересказа повести Пушкина «Дубровский», поэмы «Қалқаман-Мамыр» и нескольких программных стихов Шакарима. Текстологическая правка и подготовка к печати этих произведений принадлежит Каюму-ага.

Статьи и высказывания современников о роли Каюма Мухамедханова в реабилитации имени и творческого наследия Шакарима определили третью главу книги.

Четвертая глава – документы, свидетельствующие о борьбе ученого-литературоведа за реабилитацию имени и творчества Шакарима.

Пятая глава отразила основные вехи жизни и творчества Каюма Мухамедханова. Это своеобразная библиография ученого.

Я лично неплохо осведомлен о жизни и творчестве этих двух выдающихся личностей. Было время, когда я даже был включен в состав Комиссии по реабилитации Шакарима, что позволило расширить мои куцые познания по этой части истории казахской литературы. И тем не менее книгу «Шакарим и Каюм» я прочитал с интересом. Малосведущий читатель (особенно русскоязычный) может спросить: «А кто такой Шәкарім?» Каюм-ага как просветитель, педагог объясняет:

«Шакарим Кудайбергенов родился в 1858 году 11 июля (по новому стилю 24 июля), погиб 2 октября 1931 года на 73-м году жизни. Его отец Кудайберды – старший брат великого казахского поэта Абая – умер в возрасте 37 лет, когда сыну было 7 лет. Осиротевшего Шакарима берет на воспитание Абай.

От природы одаренный, Шакарим в пять лет научился читать. Он нигде не учился, все его знания приобретены путем постоянного и систематического самообразования. Литература, история, философия, педагогика, естественные науки, физика, риторика, музыка – все входило в круг его интересов и знаний. Овладел арабским, персидским, турецким и русским языками» (стр. 20).

Какое же наследство оставил Шакарим? Читаем в книге: «Шакарим успел стать одним из самых знаменитых авторов казахской литературы еще в дооктябрьский период. Сборник поэта «Казахское зеркало» («Қазақ айнасы»), поэмы «Қалқаман-Мамыр» и «Еңлік-Кебек», выпущенные сразу тремя книгами в одном только 1912 году в Семипалатинске, принесли ему славу и определили место Шакарима в истории казахской литературы. Кроме них поэтом созданы такие поэмы, как «Лейля и Меджнун», «Нартайлак и Айсулу», «Смерть Кодара», «Дума», «Жизнь Забытого», роман «Адилъ и Мария», сборник рассказов «Сад роз» («Байшешек бақшасы»), много басен, афоризмов, загадок, философской лирики и т.д. Большую популярность приобрела в народе его книга «Шежире» («Казахская летопись»), изданная в Оренбурге в 1911 г., которая и поныне имеет историко-познавательное значение... Огромны заслуги Шакарима как профессионально-квалифицированного переводчика, предвосхитившего на этом поприще всех, кроме Абая. Им осуществлен художественно-поэтический перевод на казахский язык повестей Пушкина («Дубровский» и «Метель»), рассказов и былей Л.Толстого, романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», газелей Хафиза и т.д.» (стр. 30).

«Научные комментарии к произведениям Абая» – капитальный труд признанного абаевода Каюма Мухамедханова. Над текстологией стихов Абая он упоенно трудился всю жизнь, докапываясь до первоначального смысла – поэтической и логической сути – каждой фразы, каждого слова. Лет тридцать, кажется, назад я, стихийно сопоставляя разные издания Абая, поразился колоссальному разночтению его стихов. Вот что значит не самому править корректуру. Каждый переписчик, редактор, составитель сборников считал себя вправе представлять читателю Абая так, как ему Бог на душу положил. Разночтения попадались часто и совершенно вопиющие, противоречивые, просто фантастические, что называется, ни уму, ни сердцу. Я выяснил для себя, что столько лет изучая творчество Абая, не раз и не два издавая его, защищая уйму кандидатских и докторских диссертаций, мы продолжаем цитировать его произвольно, не имея научно выверенного, подлинного, канонического текста. Меня это ошеломило. И я написал о своем «открытии» небольшую заметку в «Қазақ әдебиеті». Называлась она «Абайға абай болайық». Каюм-ага откликнулся мгновенно. Из беседы с ним я понял, что это давняя проблема, беда, позор и стыд, нужны кардинальные текстологические

исследования, обоснованный научный подход, кропотливая работа по выработке канонического текста. И работа эта на долгие годы.

Каюм Мухамедханов в течении многих десятилетий упорно занимался текстологией, научным комментарием, анализом, толкованием каждой строчки Абая. Гигантский труд! Он, Каюм-ага, дотошно сопоставлял издания Абая разных лет, начиная с петербургского издания в «печатне» Ильяс Бораганского в 1909 году, с рукописями переписчиков Мурсеита и Садвакаса, с разными вариантами, выявлял случайные и сознательные искажения, самовольные трактовки отдельных редакторов, «исправлявших» Абая в угоду идеологии, политики, субъективизма и вкусовщины, на свой салтык, на свой аршин. И таким тщательнейшим образом Каюм-ага проанализировал 169 (!) стихотворений Абая и дастаны «Масгуд», «Искандер», «Повесть Азима». Читать эти комментарии – увлекательное занятие, полагаю, не только для профессиональных абаеведов, но и для всех, кому дорого творчество Абая.

Доктор филологии Айгуль Исмакова пишет: «Каюм-ага, всю жизнь занимавшийся текстологией, смог дать точные научные комментарии к произведениям Абая. Более того, благодаря научным аргументам Каюма Мухамедханова, Абаю были возвращены те стихи, которые долгое время причислялись к переводам из русской поэзии. Каюм-ага боролся за каждое слово Абая, не страшась вступать в спор с именитыми академиками. К нему с благодарностью прислушивались, принимали его научную позицию, признавая, что комментарии Мухамедханова – это уникальные научные факты».

«Научные комментарии к произведениям Абая» Каюма Мухамедханова переизданы в 2009 году в двух вариантах.

Первый вариант – собственно, само исследование ученого – в объеме 11 п.л. издано всего в 100 экземпляров. То есть, он стал достоянием ограниченного числа узких специалистов. А второй вариант (объем 14 п.л., тираж 300 экз.) всецело повторяет исследование Каюма-ага, но к его комментариям дан еще пространственный (в 66 книжных страниц) комментарий доктора филологических наук Айгуль Исмаковой, которая выявила явный произвол некоторых редакторов, то и дело опускавших ссылку на Каюма Мухамедханова. Таким образом, не обошлось без комментария к комментариям, Айгуль Исмакова проделала огромный текстологический труд, свидетельствующий о подлинно научном подходе к наследию Абая. Читать и осмыслить все это мне было очень любопытно.

Не меньше любопытства вызвала и небольшая по объему книжка Каюма Мухамедханова «Ильяс Бораганский – первый издатель книг Абая» (Алматы, 2009, тираж 500).

Кто такой Ильяс Бораганский? Понятно по заглавию – «первый издатель книг Абая» (имеется в виду изданный в Петербурге в 1909 году сборник его стихов). А дальше? Откуда родом? Чем занимался? Чем прославился?

Поиск продолжался многие годы. Каюм-ага просмотрел номера газеты «Тэржіман», выходившей в 1882 году. Оттолкнувшись от скупого факта, обращался в разные архивы, научные институты, библиотеки, к ученым-востоковедам, писателям, по крупицам в течении многих лет собирал всевозможные сведения, воскресил, можно сказать, уникальную личность славного тюркского сына, восстановил его биографию, раздобыл редкие фотографии. Выяснилось: Ильяс Бораганский – один из крымских мурз, родом из Бахчисарая, знаток восточных

языков, искусный каллиграф, исследователь тюркоязычных и арабских стран. Одно время жил и обучался издательскому делу в Стамбуле. Потом перебрался в Петербург, открыл типографию («Восточную электропечатню»), издавал книги на русском, арабском, турецком и фарси. С 1919 года работал в издательстве «Салауат» в Башкирии. Все эти материалы собраны в данной книжке – статьи, письма, фотографии, документы, библиография статей (на двух языках) Каюма Мухамедханова о Бораганском. Получилась ценная книга казахского ученого о почти забытом собрате, культуртрегере-востоковеде. Я почерпнул из этой книги много такого, о чем до того имел весьма смутное представление.

Все четыре книги, подготовленные и изданные Общественным фондом «Центр образования и культуры имени Каюма Мухамедханова» за один лишь 2009 год, несомненно, являются серьезным вкладом в развитие казахской культуры и духовности.

* * *

В «Свободе слова» (11.02.10) пространное интервью с Олжасом Сулейменовым – о языке, о Доктрине народного единства, о земле, о нации. Разговор серьезный. Олжас ясно и четко формулирует, аргументирует, ловко и логично излагает. Спорить с ним трудно, и многие к нему прислушиваются. Тотчас звонит одна немка: «Читали? Непременно прочтите!» Чувствуется: интервью ее приятно взволновало. Час-другой спустя звонит русский знакомый: «Вот врезал Олжас национал-патриотам! Прямо под дых долбанул!». Вечером, на поминках соседа, за обильным дастарханом опять разговор об этом. На трапезу собрались, главным образом, казахи – «таза» и «шала». Им интересно мое мнение. Видно, мысли Олжаса им чужды, во многом неприемлемы.

На следующее утро звонит Амантай қажы. «До конца прочитали?» «До конца». «Ну и как?».

Знаю, Амантай қажы весьма сочувствует Олжасу, близок к нему, испытывает симпатию. Но он чувствует и опасается, что казахские газеты на это интервью обрушатся рьяно. Но Олжасу, как я знаю, к этому не привыкать. И он будет так же рьяно отстаивать свою правду.

Я же говорю:

«Олжас смотрит на мир с высоты 6-го этажа Эйфелевой башни в Париже. И то, что он видит оттуда – правда. Я, аульный воспитанник, аульный немец, до сих пор взираю на мир с высоты аульного холма. И то, что я оттуда вижу, – тоже правда. Но они – две правды – разные. Мое сердце ближе к казахам. Сердце Олжаса ближе к общечеловеческому. Можно сказать и так: Олжас вознесся высоко, парит в облаках, а я чикиляю по земле казахов. Я здраво и уважительно воспринимаю мысли Олжаса, но душа моя противится им. И я думаю о тех же предметах иначе».

* * *

«Гвоздика на асфальте» – так по одноименному рассказу назвала свою четвертую книгу профессор медицины Тамара Ильина-Шайкевич. Писать она начала поздно, первая автобиографическая книга «Были XX века» увидела свет в 2003 году. Автор – личность незаурядная, сполна извела все общественные и социальные катаклизмы «века-волкодава», многое за свою насыщенную впечат-

лениями жизнь повидала, пережила, перечувствовала, много путешествовала, зорко вглядывалась в калейдоскопическое бытие, в чутком сердце, в пытлимом уме запечатлела человеческие судьбы, затейливые факты, о чем в мудром возрасте поведала читателям искренне, исповедально, открыто, равнодушно, увлекательно и просто. Именно в этой простоте, безыскусственности, доверительности, занимательности я и увидел достоинство ее многожанровых записок, о чем я не однажды и говорил, и писал.

По принципу затейливого калейдоскопа сотворена и эта книга Ильиной-Шайкевич. Здесь читатель найдет и проникновенную монографическую повесть об известной в Казахстане и России, трагической судьбы поэтессе и переводчице Руфи Тамариной и душевные воспоминания о писателях Галине Черноголовиной, Алексее Белянинове и Юрии Герте, и короткие рассказы-воспоминания о врачах и пациентах, и записки-зарисовки о разных случаях на долгом жизненном пути, и разные рассказы-эссе, и меткие политические обзоры («О чем писала газета «Правда» в 1925-1929 г.г.», «Детские годы в молодой стране Советов»), и лапидарные эпизоды и размышления, и мемуары об интересных людях, и умилительные детские фразы, и письма солдата послевоенных лет. И все это очень читабельная всякая всячина, без налета литературщины, без выкрутасов и изысков, простые заметы живого ума и чуткого, доброго сердца. Писатель и журналист Адольф Арцишевский прав: «Рассказы автора отличает безыскусность и волнующая правда бытия. Они продиктованы нашей повседневностью».

Ильина-Шайкевич пристально вглядывается в нашу жизнь и делает тонкие наблюдения.

«Жена, кажется, башкирского прозаика делится со мной:

– Для перевода произведений мужа я пишу русский подстрочник.

– Так вы бы сразу их и переводили, – размышляю я вслух.

– Ну, что вы! Перевод должен быть лучше оригинала, – возражает она не без иронии» (стр. 54).

Мне, переводчику казахской прозы, эта проблема восточных переводов очень даже знакома.

Вот еще два примера приметливости автора.

«В одном из советских учреждений новый начальник, знакомясь с будущими сотрудниками, произнес:

– Когда идет политический дождь, важно правильно держать зонтик.

Он и сейчас преуспевает» (стр. 24).

«На днях услышала, что на 97-м году скончался поэт Сергей Михалков. Он был одним из двух авторов гимна СССР, который начинался словами: «Союз нерушимый Республик свободных сплотила навеки великая Русь...». Невольно подумала – слова песни не сбылись. Срок существования СССР оказался намного короче продолжительности жизни самого поэта» (стр. 23).

Автор – живой свидетель сталинской эпохи. Пережила все вехи советизации, коллективизации, индустриализации, депортации, войны, нескончаемой борьбы за мнимые идеи. Отец расстрелян. Мать в концлагере. Сама с превеликим трудом утвердилась в жизни благодаря упорству, жизнестойкости, таланту, генетической энергии. Большая человеческая жизнь. Равнодушная. Активная. Целенаправленная. Все это отразилось в книге «Гвоздика на асфальте». Тем она и увлекательна, поучительна и интересна.

* * *

Знаю давно: Максим Горький написал чудовищное количество писем. Сколько конкретно? Бог весть. Теперь узнал: письма Алексея Максимовича изданы в 24 (!) томах. Главный редактор этого издания Ф.Ф.Кузнецов, издательство «Наука», 2009 г. Каково? 24 тома одних только писем.

* * *

Досадно, что нынешняя литературная критика в Казахстане никак не осмысливает и не отражает происходящий литературный процесс. Да что там «не осмысливает», даже не обозревает, не аннотирует, не констатирует. Книг море, а ощущение такое, что ничего не происходит и никакого процесса и в помине нет. Литературная критика как жанр тяжело больна, ошивается где-то на задворках, угасает, чахнет. И причин тому, видно, много. Для замедления агонии в российской периодике систематически дают мини-рецензии, короткие аннотации к новым изданиям, что позволяет читателю ориентироваться в океане печатной продукции. В Казахстане и этого нет. Книги появляются и тут же канут в небытие без внимания, без одобрения или осуждения.

Конечно, ненормально. Тиражи опять-таки ничтожны, даже в областные библиотеки доходит мизер. А надо бы, чтобы все сокращающийся числом читателей хотя бы знал о том, что происходит в литературном мире.

* * *

Часто слышу от своих казахских коллег: «Эх, если б дали мне возможность, я бы такое написал! Весь мир бы ахнул!»

«Какую еще возможность? Пиши!»

«Е-е-е, легко сказать... Правда любит свободу. Писать надо так, как хочешь, без оглядки, без страха, смело, дерзко»

«И в чем помеха?»

«Ойбай-ау, обстоятельства разные. Власть... политика... режим, понимаешь. Скажешь не то – сыну неприятность. А он в структуре. Шишка! Сноха кафедрой заведует. Дочка диссертацию защищает. Сват в «Нур Отане». Внуки подрастают. Приходится помалкивать. А какие замыслы погибают!».

«Может, кишка тонка?»

«Е, нет! Просто связан по рукам-ногам. Приходится наступать на горло собственной песне. Нобелевка плачет!»

О Нобелевской премии грезят многие казахские писатели. Но хочется и беленьким, пушистеньким казаться, и бесбармак всласть поест, и орденами позвякивать.

«Да-а... Печально», – говорю.

Коллеги вздыхают.

А мне вспоминается один эпизод, о котором написал Бенедикт Сарнов в третьем томе своей книги «Сталин и писатели».

«Однажды в гостях у Вячеслава Шишкова Константин Александрович Федин сказал мечтательно:

– Если бы мне дали *carte blanche*, какой замечательный роман я бы написал о нашей действительности.

– Нет, Костинька, – сказал Вячеслав Яковлевич. – Не написал бы.

– Это почему же? – возмутился Федин.

– Потому что настоящие-то писатели, – сказал Шишков, – карт-бланшу не просят».

Это очень верно, подумал я про себя. Ведь чтобы написать роман «Жармак», Мухтар Магауин ни у кого возможностей не выпрашивал. Не думали о каких-то возможностях и гарантиях и поэты Иран-Гаип, Темирхан Медетбек, Софы Сма-тай, опубликовавшие свои острые подборки стихов-толгау. Весь вопрос в том писатель ли ты или просто амбициозный приспособленец.

Далее Бенедикт Сарнов пишет:

«Василий Гроссман, Александр Солженицын, Варлам Шаламов, Юрий Домбровский, Лидия Чуковская, Евгений Гинзбург не просили «карт-бланшу» и не ждали, чтобы им поручили написать «Жизнь и судьбу», «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы», «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей», «Софью Петровну», «Крутой маршрут». Все эти книги написаны потому, что их авторы просто не могли не написать о том, что им выпало пережить».

Прав Бенедикт Сарнов. Я же при всей своей любви к казахской литературе лишен возможности назвать столько славных имен и смелых, ярких произведений.

* * *

Эти проникновенные, волнующие, пронизанные неизбежной болью и печалью, надеждой и тревогой дневниковые записи Сауле-апа Кабдоловой я сначала прочитал в нескольких номерах газеты «Ана тілі», и тут же, потрясенный прочитанным, позвонил автору, убеждая ее непременно издать дневник отдельной книгой. «Ну, зачем же? – спокойно и мягко возразила Сауле-апа, – я ведь о публикации и не помышляла. Я просто на ходу, коротко и коряво запечатлела на бумаге мою боль, мою скорбь, мой душевный надлом, мои думы и слезы, неотлучно находясь рядом с тяжело больным, прикованным к постели, долго умиравшим моим незабвенным Зеке. Эти записи я делала наспех, судорожно, нередко в отчаянии, главным образом для себя, в утешение... ну, может быть, для сыновей, внуков и подраставших правнуков».

Видно, о необходимости издания этих записей говорил не я один, а многие – родные, близкие, друзья и ученики академика-писателя, доктора филологии, профессора-наставника, одного из столпов духовной жизни казахов послевоенного периода – Зейноллы Кабдолова. И скромница Сауле-апа, верная жена-соратница славного мужа, всегда тактично и деликатно державшаяся в его тени, сама педагог-историк по образованию, вырастившая, воспитавшая четырех сыновей, девятерых внуков и не знаю уж сколько правнуков, сдалась, наконец, уговорам, согласилась представить вниманию благодарных читателей свои внешне незатейливые, короткие дневниковые записи за 1999-2006 годы. Но и теперь она убеждена: книга ее сугубо семейная, хроника тягостных лет.

Смею сказать: это не так. Вернее, не совсем так.

Книга вышла в 2009 году в Астане, в объеме 15 печатных листов, тиражом в 2000 экземпляров, с фотографиями, с предисловием писателя Кали Сарсенбая и послесловием-беседой литературоведа Бауыржана Омарулы – под названием «Көрген түстей, сағымдай...» По-русски это звучит примерно: «Как сон, как мираж вдали...»

Жизнь промелькнула, истаяла, как сон. Улетучилась, как мираж в степи... О том и речь. Последние, невероятно тяжкие годы академика-писателя, мужественно сражавшегося за жизнь – семь долгих, отчаянных лет, живо, исповедально запечатленные его женой-спутницей, соратницей, музой.

Зейнолла Кабдолова я тесно знал в течение сорока трех лет. Тахави Ахтанов, Абдижамил Нурпеисов, Зейнолла Кабдолов были большими друзьями, единомышленниками, неразлучной тройкой. К ним тянулась немалая группа более молодых литераторов, которым ныне уже за семьдесят. Дар судьбы: я находился в их среде. Зеке был с самого начала ласков ко мне; я подстрочно перевел на русский язык кое-какие его произведения; живал периодически в его семье; изведал хлебосольство Сауле-апа; их сыновья выросли на моих глазах. Я много хорошего мог бы поведать о Зеке и его семье. За четыре десятилетия встречались мы часто у него и у меня, в Союзе писателей и в Казахском ПЕН-клубе, в КазГУ и в редакции «Таң-Шолпан», в Домах творчества и командировках, на разных литературных и научных тусовках, за обильным дастарханом по разным случаям. Бывали в его доме и мой отец, и моя сестра. Много за жизнь связывало нас. Отрадно было слушать орнаментально окрашенную, ладную и складную, поистине «шешенскую» казахскую речь Зеке. Поучительно было беседовать с ним. Завораживал его меткий и мудрый юмор. Уместно цитировал он классиков мировой литературы. Он был педагог, писатель и ученый. И во всех трех ипостасях был колоритен, убедителен и значителен. И в этом смысле был достойным и общепризнанным учеником своего великого наставника – Мухтара Омархановича Ауэзова.

Я здесь веду речь не о литературных и научных трудах Зейноллы Кабдолова. Он писал романы, драмы, эссе, статьи, даже стихи, случалось, делал переводы. Издал много фундаментальных исследований по казахской филологии, по теории литературы. Его с любовью называли генералом словесности. В течении полувека он читал лекции в любимом и родном университете, и тысячи его учеников трудились во всех областях Казахстана. О том сказано и написано много. Я же веду речь о дневнике Сауле-апа. Повторяюсь: с первого взгляда он совершенно непритязателен. Жена бегло фиксирует мелочи быта: каково физическое состояние Зеке на тот или иной день, что он сказал, какие были температуры, уровень сахара, разные анализы, какие принимал лекарства, какие провел процедуры, что ел (все подробно перечисляется), как и сколько спал, кто приходил – поименно врачи, медсестры, массажистка, кто наведывал – родственники, друзья, коллеги, государственные деятели, функционеры, земляки, кто чем конкретно помог, кто проявил живое, человеческое участие в тяготах и судьбе больного. О себе Сауле-апа забывает напрочь, только мельком упоминает иногда, что читала, как восприняла то или иное собрание, что чувствовала, как обмирала каждый раз ее душа, когда Зеке становилось плохо. Однако фиксация подобных мелочей под искренним и добрым пером Сауле-апа создает реальную картину того трагического отрезка жизни, в котором обитал, сражался с недугом, думал и страдал могучий дух незаурядного человека. Это время оживает в душе читателя, захватывает, завораживает его, заставляет взвесить и оценить подлинное достоинство жизни и дерзания созидательного духа. И в этом я увидел главный пафос бесхитростных дневниковых записей нежной и мужественной, стойко борющейся за жизнь своего спутника женщины с большой буквы. Невозможно

переоценить повседневный, тихий и незаметный героизм женщины, которой необходимо было быть не только постоянно рядом с угасающим мужем, но и заботиться о судьбе его книг, рукописей, о детях, внуках, разгребать их заботы и житейские проблемы. Диву даешься, сколько выпало тягот и испытаний на плечи этой хрупкой женщины, сумевшей в идеале сохранить большой и шумный семейный очаг. Именно это достохвальное качество автора выдвигает скромные дневниковые записи за рамки семейной летописи, наполняя их несомненной общественной значимостью.

Другую существенную грань этой книги я вижу в ее бесспорном воспитательном заряде. Вся жизнь Сэуле-апай – достойный пример для тех, кто самой природой обречен быть хранительницей семейного очага, быть верной спутницей-женой, матерью, бабушкой, светочем и остовом большой семьи, на которой, как известно, зиждется здоровое общество. Таковы, на мой взгляд, две главные идейные основы этой книги, ради которых она и написана женщиной, высоко осознавшей долг и обязанность своего бытования.

В феврале 2017 года отмечают:

60-летие

Жолтай АЛЬМESHУЛЫ, прозаик
Марат КОНЫРОВ, прозаик
Турсынжан ШАПАЙ, критик

70-летие

Темирболат АХМЕТОВ, прозаик
Жарылкасын БОРАНБАЕВ, поэт
Сара ЛАТИЕВА, прозаик

80-летие

Маман БАЙСЕРКЕУЛЫ, драматург

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

